К. Ваншенкин

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ПОЭЗИИ

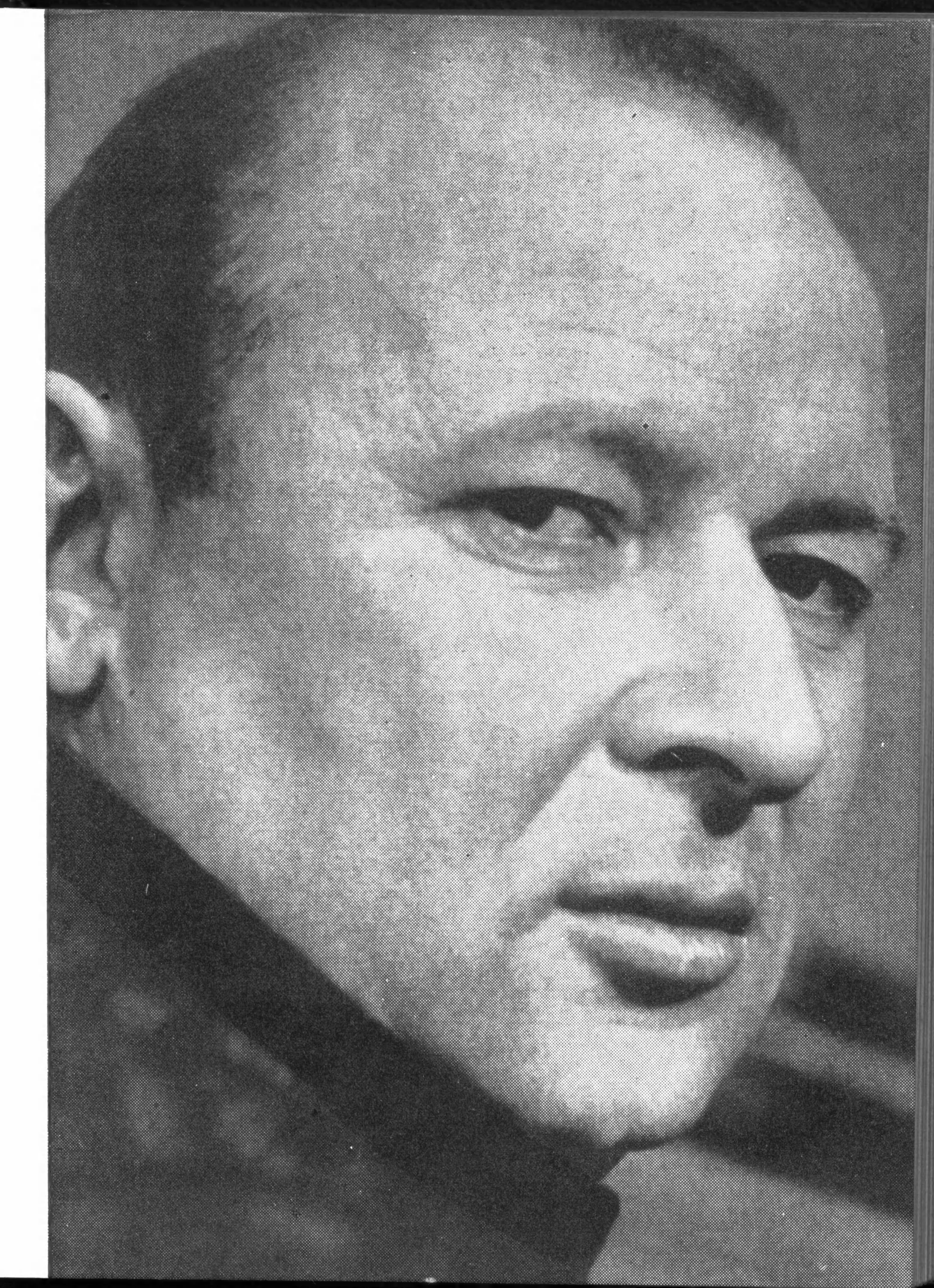
7—4—2
105—66

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1966

О СЕБЕ

Я родился семнадцатого декабря 1925 года в Москве. Отец мой был инженер, а годы детства совпали с первыми пятилетками, поэтому мы подолгу жили при заводах в средней полосе России, в Сибири. Маленький городок, рабочий поселок стали потом «местом действия» многих моих стихов да и прозы.

Поэзию в нашем доме любили. Иногда отец читал вслух Некрасова, который был ему особенно близок; я помню, как не раз он с выражением декламировал на память стихотворение «Вино». Однажды, когда мне было, вероятно, лет пять или шесть, я бо-

лел, и мать прочла мне стихи — тоже о мальчике и сидящей у его постели матери. Там было такое место:

Вспомни, как шумят березы,
А за лесом, у межи,
Ходят медленно и плавно
Золотые волны ржи!..

Это четверостишие (в особенности две его последние строки) прямо-таки поразило меня своей красотой, удивительной певучестью и врезалось в душу, сопровождая меня потом как что-то очень светлое, хотя и грустное. С годами, когда я стал интересоваться: чьи же это стихи,— мать уже забыла их и не могла ответить на мой вопрос. Лишь после войны, впервые с жадностью читая многое, не известное мне прежде, я встретил эти строки у Ивана Бунина.

В 1942 году из десятого класса я ушел в армию. Служил главным образом в воздушно-десантных войсках, участвовал в боях на Втором и Третьем Украинских фрон-

тах. Это было суровое время, но именно армия военной поры сформировала мое поколение. Армия сделала нас людьми, армия — это мои университеты. Демобилизовался я в самом конце сорок шестого года в звании гвардии сержанта.

Стихи начал писать в детстве. Лет девяти написал несколько стихотворений о полярниках, о героях гражданской войны. Все это было, конечно, несерьезно. Вскоре я остыл к своему сочинительству, и в пятнадцати-семнадцатилетнем возрасте, когда, как говорят, пишут стихи едва ли не все, я стихов не писал: у меня не было в этом ни малейшей потребности. Снова стал писать совершенно неожиданно для себя уже в конце войны, в Венгрии. С той поры пишу, можно сказать, непрерывно.

После войны я поступил в Московский геолого-разведочный институт, но проучился там только один год, не сумев совместить учебу со своими литературными занятиями. Дело в том, что программа в институте была серьезная, нелегкая, требую-

щая всех сил и много времени; за войну я перезабыл почти все школьное; а тут, вместо того чтобы заниматься науками, все свободное время, да и на лекциях, писал стихи в таких количествах, в каких их могут писать лишь совсем молодые, начинающие поэты, не выработавшие чувства самоограничения. Короче говоря, нужно было выбрать что-нибудь одно. Я посылал стихи в журналы, сам иногда заходил в редакции; меня похваливали, но не печатали. Я решился показать стихи настоящему поэту. Мне повезло: первым поэтом, с которым я познакомился в своей жизни, был Михаил Васильевич Исаковский; его добрые советы и душевная поддержка сыграли огромную роль в моей судьбе. Я отважился всерьез заняться стихами и перешел в Литературный институт имени Горького.

Первые мои стихи были напечатаны в 1948 году, а первая книга «Песня о часовых» вышла через три года и была тепло встречена критикой. Одновременно с ее выходом в журнале «Новый мир» появилось

мое стихотворение «Мальчишка», которое неожиданно для автора получило весьма широкое распространение и известность. Я говорю это к тому, что потом мое имя долго связывалось у читателя, да и у критики, с этим стихотворением, как через несколько лет стало связываться с песней «Я люблю тебя, Жизнь». Такое явление, когда имя художника непременно связывается, ассоциируется с каким-то определенным его произведением, не обязательно лучшим, часто раздражает автора, но, вероятно, в этом есть и своя положительная сторона.

С той поры у меня вышло немало поэтических книг: «Лирические стихи» (1953), «Портрет друга» (1955), «Волны» (1957), «Лирика» (1959), «Надпись на книге» (1960), «Окна» (1962), «Избранное» (1963), «Повороты света» (1965) и другие.

Некоторые из моих стихотворений положены на музыку и стали песнями. Это, кроме уже упомянутой мной «Я люблю тебя, Жизнь», такие, как «Вы служите, мы вас

подождем», «Солдаты», «Женька», «Я спешу, извините меня» и другие. В 1965 году они вышли отдельным сборником (с нотами).

В последние годы я начал работать и в области прозы. В 1959 году написал первую свою прозаическую вещь «Армейская юность». Как и последующая «Авдюшин и Егорычев» (1962), она невелика по объему. В 1964 году опубликована еще одна моя книга в прозе «Большие пожары», а в 1966 выйдет книга о поэзии и поэтическом вкусе — «Непонятливая Лика».

Константин ВАНШЕНКИН

Москва
Август 1965 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

В сплошной осенней темноте,
Когда густая ночь как сажа,
Я разберусь в любой черте
Давно знакомого пейзажа.

На полустанке поезд ждет,
Чтоб увезти меня далеко.
Темно. Но скоро рассветет,
И с первым солнечным потоком

На горизонте лес всплывет
Пилой с неровными зубами.
И мой знакомый счетовод
Пойдет с портфелем за грибами.

Гудки разбудят сонный дол,
Туманным скрытый покрывалом.
Вон там мы стукали в футбол
С утра до вечера, бывало.

Я не могу забыть о том,
Как ноги жгла трава сырая.
Как с дряхлым маминым зонтом
Я прыгнул с нашего сарая.

Потом я прыгал много раз,
Зажав кольцо в ладони потной.
Но я хочу, чтоб этот час
Мне записал наш писарь ротный

Началом пройденных дорог,
Началом трудного похода.
Я на дорогах вьюжных дрог
Не только те четыре года.

Я был солдатом с детских лет,
Когда с зонтом влезал на крышу,
Хоть в красный воинский билет
Никто мне этого не впишет.

1948

ВИНТОВКА

Утром, незадолго до привала,
Возле незнакомого села
Пуля парня в лоб поцеловала,
Пуля парню брови обожгла.

По снегу шагали батальоны,
Самоходки выровняли строй.
Покачнулся парень удивленно
И припал к проталине сырой.

И винтовка, тоже как живая,
Вдруг остановилась на бегу
И упала, ветви задевая,
Притворившись мертвой на снегу...

Похоронен парень у Дуная,
До него дорога далека,
Но стоит винтовка боевая
В пирамиде нашего полка.

1949

* * *

Парашютные тонкие стропы
На поляне лежат под сосной,
Заросли партизанские тропы
Переспелой малиной лесной.

Нас дорога лишила покоя,
Мы с тобою ночами не спим.
А туманы плывут над рекою,
Словно сизый махорочный дым.

Солнце в тучи зашло к непогоде,—
Слышишь, гром прогремел в тишине?
И дожди над хлебами проходят,
Как полки по родной стороне.

Все-то снятся нам узкие тропки
И геологов трудный поход,
Пара спичек в последней коробке...
А дорога зовет и зовет.

...Сообщив изумленным соседям,
Что до поезда двадцать минут,
Мы однажды возьмем и уедем,
Пусть потом вспоминают да ждут.

1949

БЫВШИЙ РОТНЫЙ

В село приехав из Москвы,
Я повстречался с бывшим ротным.
Гляжу: он спит среди ботвы
В зеленом царстве огородном.

Зашел, видать, помочь жене,
Армейский навести порядок
И, растянувшись на спине,
Уснул внезапно между грядок.

Не в гимнастерке боевой,
Прошедшей длинную дорогу,
А просто в майке голубой
И в тапочках на босу ногу.

Он показался странным мне
В таком наряде небывалом.
Лежит мой ротный на спине
И наслаждается привалом.

Плывут на запад облака,
И я опять припоминаю
Прорыв гвардейского полка
И волны мутного Дуная.

В тяжелой мартовской грязи
Завязли пушки полковые.
«А ну, пехота, вывози!
А ну, ребята, не впервые!..»

Могли бы плыть весь день вполне
Воспоминанья предо мною,
Но я в полнейшей тишине
Шаги услышал за спиною.

И чей-то голос за плетнем:
— Простите, что побеспокою,
Но срочно нужен агроном...—
Я тронул ротного рукою.

...Мы пили с ним два дня спустя,
Вина достав в его подвале,
И то серьезно, то шутя
Дороги наши вспоминали.

Потом уехал я домой,
Отдав поклон полям и хатам,
Остался славный ротный мой
В краю далеком и богатом.

И снится мне, как за окном
Деревья вздрагивают сонно.
С утра шагает агроном
По территории района.

По временам на большаке
Пылит пехота —
взвод за взводом,
Да серебрится вдалеке
Гречиха, пахнущая медом.

1949

* * *

Ехал я в штабном автомобиле
Вдоль военных спящих лагерей
И, когда повестку протрубили,
Вспомнил время юности своей.

Вспомнил снова путь солдатский
дальний,
Издавна знакомый гарнизон.
Там сейчас молоденький дневальный
В разные заботы погружен.

Наливает в умывальник воду
И, нарушив утренний покой,
Будит старшину и помкомвзвода,
Отделенных трогает рукой.

И они медлительно, как дома,
Чистые портянки в пальцах мнут.
Пять минут осталось до подъема,
Самых сладких утренних минут.

Солнце бьет в распахнутые двери,
Теплый ветер ходит вдоль стропил...
Даль видна. И я вот-вот поверю,
Будто вновь дневальным заступил,

Будто рота спит передо мною,
Видит сны и дышит горячо.
Я побудку слышу над страною
И трясу сержанта за плечо.

1950

* * *

Пронзив меня холодным взглядом,
Сержант торжественно изрек:
— За опозданье — два наряда!..—
И тихо тронул козырек.

— Так то ж совсем не опозданье,
Я просто думал о другом...—
В ответ на это оправданье
Сержант скомандовал: — Кру-гом!

И на глазах соседней роты
Я точно так же отдал честь
И, как велит устав пехоты,
Сказал коротенькое: — Есть!

И вот, когда спала бригада,
Я залезал во все углы,

Я отрабатывал наряды
И драил чистые полы.

Меня команда поднимала,
И я вставал, глядел во тьму...
Прошло с тех пор ночей немало,
Пока я понял, что к чему.

Я рассказать решил потомству,
Солдатских бед не утаив,
Про это первое знакомство
И про начальников моих,

И про занятья строевые,
Про дом, оставшийся вдали,
Про время то, когда впервые
Ребята в армию пришли,

Шинели серые надели,
И наша служба началась,
И я почувствовал на деле
Сержанта Прохорова власть.

1950

* * *

Зашел боец в избу напиться
И цедит воду из ковша.
Свежа студеная водица.
Хозяйка очень хороша.

Напился, закурил устало.
Она глядит на синий дым.
Муж у нее чудесный малый,
Ей хорошо, должно быть, с ним.

Бойцу ж ни холодно, ни жарко,
Его-то дело — сторона,
Вот разве что немного жалко
Бойцу, что замужем она.

1950

* * *

Комсомольские снились билеты
Ребятишкам горластым не зря.
Проходило последнее лето,
И прощайте навек, лагеря

Но когда опускалась прохлада
И пора было делать отбой,
Выходил представитель отряда
Со своею любимой трубой.

От нагретого за день металла
Растекалось по коже тепло,
А труба над водой трепетала,
Говорила, что детство прошло.

А труба под луною блестела,
Как любая из лагерных труб,
И, наверно, никак не хотела,
Замолчав, оторваться от губ.

Ничего в мире не было, кроме
Необъятного звука того.

И услышал на дальнем пароме
Перевозчик веселый его.

Он прислушался к этому звуку,
Проплывавшему мимо полей,
Потянул было смуглую руку
К полинялой пилотке своей.

Да потом спохватился служивый,
Закурил, на костыль опершись...

Приближался рассвет торопливый,
Посветлела небесная высь.

Звук проплыл и растаял у плеса,
У склоненных над речкой берез...

По песку заскрипели колеса,
Подошел к переправе обоз.

1950

* * *

Стволов круженье многолетних,
Травы движенье на тропе.
А проводник надел передник
И чай разносит по купе.

И до столицы путь недолог,
И нас там ждут в дому одном.
Проходит маленький поселок
За нашим розовым окном.

И мы не ведаем нисколько,
Как с давней думой в голове
Об этом маленьком поселке
Тоскует кто-нибудь в Москве.

И точно так же, беспокоясь,
Кого-то ждут сегодня здесь...
За поворот уходит поезд,
Одетый белым дымом весь.

Поселок кажется поблеклым,
И не понять уже — вдали
Последний луч скользнул по стеклам
Иль это в доме свет зажгли.

1951

ГАЛЯ

Ложится луч на желтую тропинку.
Огромен сад. Деревьев много в нем.
Но Галя видит каждую травинку
И стеклышко, горящее огнем.

Вот паутина легкая повисла,
Летит, кружась, листок над головой.
И полон удивительного смысла
Весь этот мир, огромный и живой.

Она глядит доверчиво и просто
На толстого мохнатого шмеля.
Она такого маленького роста,
Что рядом с ней находится земля.

И то, что нам обычно недоступно:
Веселые жучки да муравьи,—
Все для нее отчетливо и крупно,
Достойно восхищенья и любви.

Ей в этом мире многое в новинку:
И пенье птиц, и зайчик на стекле...
А я запомнил каждую травинку,
Когда лежал с винтовкой на земле.

Вокруг поля, и далеко до дому,
И не шмели, а пули у виска.
Но, знать, не зря солдату молодому
В тот давний год земля была близка.

1951

МАЛЬЧИШКА

Инне

Он был грозою нашего района,
Мальчишка из соседнего двора,
И на него с опаской, но влюбленно
Окрестная смотрела детвора.

Она к нему пристрастие имела,
Поскольку он командовал везде,
А плоский камень так бросал умело,
Что тот как мячик прыгал по воде.

В дождливую и ясную погоду
Он шел к пруду, бесстрашный,
как всегда,
И посторонним не было прохода,
Едва он появлялся у пруда.

В сопровожденье преданных матросов,
Коварный, как пиратский адмирал,
Мальчишек бил, девчат таскал за косы
И чистые тетрадки отбирал,

В густом саду устраивал засады,
Играя там с ребятами в войну.
И как-то раз увидел он из сада
Девчонку незнакомую одну.

Забор вкруг сада был довольно
ветхий —
Любой мальчишка в дырки проходил, —
Но он, как кошка, прыгнул прямо
с ветки
И девочке дорогу преградил.

Она пред ним в нарядном платье белом
Стояла на весеннем ветерке
С коричневым клеенчатым портфелем
И маленькой чернильницей в руке.

Сейчас мелькнут разбросанные
книжки —
Не зря ж его боятся, как огня...
И вдруг она сказала:
— Там мальчишки...
Ты проводи, пожалуйста, меня...

И он, от изумления немея,
Совсем забыв, насколько страшен он,
Шатнул вперед и замер перед нею,
Ее наивной смелостью сражен.

А на заборе дряхлом, повисая,
Грозя сломать немедленно его,
Ватага адмиральская босая
Глядела на героя своего.

...Легли на землю солнечные пятна.
Ушел с девчонкой рядом командир.
И подчиненным было непонятно,
Что это он из детства уходил.

1951

* * *

Ты добрая, конечно, а не злая,
И, только не подумавши сперва,
Меня обидеть вовсе не желая,
Ты говоришь обидные слова.

Но остается горестная метка,—
Так на тропинке узенькой, в лесу,
Товарищем оттянутая ветка,
Бывает, вдруг ударит по лицу.

1952

* * *

Земли потрескавшейся корка.
Война. Далекие года...
Мой друг мне крикнул:
— Есть махорка?.. —
А я ему: — Иди сюда!..

И мы стояли у кювета,
Благословляя свой привал,
И он уже достал газету,
А я махорку доставал.

Слепил цигарку я прилежно
И чиркнул спичкой раз и два.
А он сказал мне безмятежно:
— Ты сам прикуривай сперва...

От ветра заслонясь умело,
Я отступил на шаг всего,
Но пуля, что в меня летела,
Попала в друга моего.

И он качнулся как-то зыбко,
Упал, просыпав весь табак,
И виноватая улыбка
Застыла на его губах.

И я не мог улыбку эту
Забыть в походе и в бою
И как шагали вдоль кювета
Мы с ним у жизни на краю.

Жара плыла, метель свистела,
А я забыть не смог того,
Как пуля, что в меня летела,
Попала в друга моего...

1952

СЕРДЦЕ

Я заболел. И сразу канитель,—
Известный врач, живущий по соседству,
Сказал, что нужно срочно лечь
в постель,
Что у меня весьма больное сердце.

А я не знал об этом ничего.
Какое мне до сердца было дело?
Я попросту не чувствовал его,
Оно ни разу в жизни не болело.

Оно жило невидимо во мне,
Послушное и точное на диво.
Но все, что с нами было на войне,
Все сквозь него когда-то проходило.

Любовь, и гнев, и ненависть оно,
Вобрав в себя, забыло про усталость.
И все, что стерлось в памяти давно,
Все это в нем отчетливым осталось,

Но я не знал об этом ничего.
Какое мне до сердца было дело?
Ведь я совсем не чувствовал его,
Оно ни разу даже не болело.

И, словно пробудившись наконец,
Вдруг застучало трепетно и тяжко,
Забилось, будто пойманный птенец,
Засунутый, как в детстве, под рубашку.

Он рвался, теплый маленький комок,
Настойчиво и вместе с тем печально,
И я боялся лечь на левый бок,
Чтобы не придавить его случайно...

Светало... За окошком, через двор,
Где было все по-раннему пустынно,
Легли лучи. Потом прошел шофер,
И резко просигналила машина.

И стекла в окнах дрогнули, звеня,
И я привстал, отбросив одеяло,
Хоть это ждали вовсе не меня
И не меня сирена вызывала.

Открылась даль в распахнутом окне,
И очень тихо сделалось в квартире.
И только сердце билось в тишине,
Чтоб на него вниманье обратили.

Но гул метро, и дальний паровоз,
И стук буксира в Химках у причала —
Все это зазвучало и слилось,
И все удары сердца заглушало.

Верней, не заглушало, а в него,
В певучий шум проснувшейся столицы,
Влились удары сердца моего,
Что вдруг опять ровнее стало биться.

Дымки тянулись медленно в зенит,
А небо все светлело и светлело,
И мне казалось — сердце не болит,
И сердце в самом деле не болело...

...Ты слышишь, сердце?
                                    Поезда идут.
На новых стройках начаты работы.
И нас с тобой сегодня тоже ждут,
Как тот шофер в машине ждет кого-то.

Прости меня, что, радуясь, скорбя,
Переживая горести, удачи,
Я не щадил как следует тебя...
Но ты бы сердцем не было иначе.

1952

СОЛДАТСКАЯ СУДЬБА

Когда солдат походом утомлен,
Под гром любой он может спать
глубоко.
Но слышит он сквозь самый крепкий
сон
Негромкий крик: «В ружье!» или:
«Тревога!»

И он встает, от сна еще горяч,
Все чувствуя отчетливо и тонко.
Так мать встает, едва услышав плач
Проснувшегося за полночь ребенка...

Не легкая солдатская судьба!
Сухой снежок скрипит под каблуками.
Еще поет армейская труба,
Хотя давно услышана полками.

И мне с трубой армейской по пути,
И я готов холодными ночами
На зов ее волнующий идти...
Вы слышите меня, однополчане?

Под вьюгой, что метет над головой,
Под ливнем, над равниною гудящим,
Я не сойду с поста, как часовой,
Поставленный бессонным разводящим.

1953

* * *

Самая насущная забота
Всякого труда и ремесла —
Это чтобы новая работа
Лучше прежней сделана была.

Но бывают в жизни неудачи,
Вещи с незавидною судьбой,
Бледные. И так или иначе
Хуже прежде, сделанных тобой.

И начнешь, случается, до срока
Убеждать себя же самого:
«Это положительно не плохо,
Нет, ей-богу, это ничего...»

Будь недолгим это заблужденье,—
Ты вперед, мечта моя, лети!
Новой песни светлое рожденье
Будет мне наградою в пути.

Пусть труднее будет год от года
Добиваться, сидя у стола,
Чтобы наша новая работа
Лучше прежней сделана была.

1953

* * *

Отец мой пил, скрывая это,
Верней — пытаясь это скрыть.
Придя домой, он брал газету,
Спешил сейчас же закурить.

Он трезвым выглядеть старался
И притворялся, сколько мог.
Он не ругался и не дрался
И лишь дышал немного вбок.

Но по глазам его туманным,
По выражению лица
Я знал, когда бывал он пьяным,
Едва лишь гляну на отца.

И материнские упреки —
Я знал — посыплются сейчас.
А мне еще учить уроки,
Их много задали как раз.

Был воздух в доме словно порох.
Но не отца в тот миг, а мать
Я в начинающихся ссорах
Готов был сердцем упрекать.

Урок уроком, школа школой,
Но было так и потому,
Что знал я нрав отца веселый
И как-то ближе был к нему.

И я, откладывая книжки,
Уже предчувствовал скандал
И с убежденностью мальчишки
Решал — прощал и осуждал...

...Какие пройдены дороги!
Но словно все это вчера —
Я вижу, как учу уроки
И как печальны вечера.

Отца все нет. Тоскливо. Осень.
И мать, забившись в уголок,
Сидит и вдруг, бывало, спросит:
— А ты не будешь пить, сынок?

И до сих пор с тревожной думкой
Следит обычно мать моя
За той наполненною рюмкой,
Что поднимаю в праздник я...

1953

ВЕСЕННИЙ СНЕГ

Он был зимой прекрасен, а весною
Лишился он величья своего.
И небо занялось голубизною
Над серыми просторами его.

Сползает снег в глубокие овраги,
Под солнцем ослепительным спеша.
Так сходит вдруг ненужный слой
бумаги
С переводной картинки малыша.

1953

В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРВЫЙ ГОД...

Кругом низины и высотки
Полей знакомых и родных.
Чтобы вскопать четыре сотки,
Уйдет четыре выходных.

Там, за деревнею покатой,
Поля напитаны водой.
И он идет себе с лопатой,
Интеллигентный и седой.

И он шагает от платформы
В пальто, поношенном слегка...
Еще до денежной реформы
Трудна дорога, далека.

Отмена карточек не скоро,
О ней не слышно ничего.
Еще вскопать придется горы
Лопатке старенькой его.

И он копает, мучась жаждой,
Картошку режет на куски
С таким расчетом, чтобы в каждом
Цвели зеленые глазки.

Еще старания немножко —
Засажен будет огород.
И вот поднимется картошка
И зацветет и зацветет.

И набежит веселый ветер
И зашумит среди кустов.
И никогда еще на свете
Красивей не было цветов.

...И деревенские ребята
Глядят, шагая стороной,
Как он стоит, держа лопату,
Перед корявой целиной.

Стоит серьезный, работящий,
В пальто, поношенном слегка,
И с дужкой вешалки, торчащей
Из-за его воротника.

1953

ВЕРНОСТЬ

Затихли грозные раскаты,
Свершилось мира торжество...
К вдове погибшего комбата
Заехал верный друг его.

Сошел на станции, и пеший
Прошел он верст примерно пять.
Не для того, чтобы утешить,—
Чтоб вместе с ней погоревать.

Он на крыльце поставил вещи
И постучал в косяк окна.
Он не знаком был с нею прежде,
Лишь знал — красавица она.

Он красоту ее увидел,
Едва лишь глянул на свету,
И вдруг почти возненавидел
Ее за эту красоту.

Он представлял ее другою:
Жена погибшего, вдова.
А эта может быть вдовою,
Пожалуй, год, от силы — два.

Перенесет она разлуку
И снова жизнь начнет свою.
И он душой страдал за друга
Так, словно сам погиб в бою.

И, словно кто его обидел,
Встав как соперник на пути,
Он всех мужчин возненавидел,
Что могут впредь сюда войти...

...А было в комнате уютно,
Легко текла беседы нить.
И вдруг мучительно и смутно
Не захотелось уходить.

И в то же самое мгновенье
Он ощутил в своей груди
И робость, и благоговенье,
И неизвестность впереди.

Она предстала в новом свете,
Явилась в облике ином...
Уже настал конец беседе,
И рассветало за окном.

Осенний дождь стучал уныло,
О чем-то давнем выводя.
Лишь до порога проводила
Она его из-за дождя.

Он под дождем слегка согнулся,
Пошел, минуя мокрый сад.
Сдержался и не оглянулся
На дом, где прежде жил комбат.

1953

* * *

В полку отбой сыграли. Все в порядке.
Дневальный после трудового дня
Казенные двупалые перчатки
Неторопливо сушит у огня.

Вот высушил и положил их рядом.
Глядит, щекой склонившись на ладонь,
Задумчивым, отсутствующим взглядом,
Каким обычно смотрят на огонь.

Гуляют блики по лицу солдата,
Дрожат, скользят... И кажется, что он
Не здесь, а едет в поезде куда-то,
Несет его по рельсам эшелон.

Не спит солдат, проходит полем белым,
Ему, как мне, идти еще, идти...
Где б ни был он и что бы он ни делал,
Он каждый миг находится в пути.

Уже давно заснуло отделенье,
А он сидит, бессонный, как поэт.
Чешуйчатыми сделались поленья,
У пламени заимствовали цвет.

Как тихо все! Лишь ветра голос тонкий
К нему сюда доносится едва...
В печурке за железною заслонкой
Стрельнули и подвинулись дрова.

1954

ЗИМНИЕ СУМЕРКИ

Зимних сумерек тонкие краски
Удивительно дороги мне.
Сколько доброй, застенчивой ласки
В осветившемся первом окне!

Сколько легкой и радостной грусти,
Так и рвущейся из берегов,
В тишине и в медлительном хрусте
Раздающихся где-то шагов!

Нет мороза сегодня в помине,
Ожидается скоро теплынь,
И торчит на бескрайней равнине
Из-под снега сухая полынь.

И приходят хорошие мысли,
И мечты у тебя широки...
В небе первые звезды повисли,
В окнах тоже горят огоньки.

Постепенно все больше темнеет,
Лишь вдали, где на взгорке село,
Так полоска зари пламенеет,
Словно там еще день и светло...

1954

РАННИЙ ЧАС

Туманы тают. Сырость легкая.
И, ежась, вздрагивает сад.
Росинки падают неловкие.
Заборы влажные блестят.

Еще лежит на травах изморось,
Не шелохнется речки гладь.
И вся природа словно выспалась
И только ленится вставать.

1954

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Предельно четки ощущенья.
Покоя в сердце больше нет.
Предгрозовое освещенье,
Где воедино мрак и свет.

Оно бывает очень спорным, —
Порой глядишь и видишь вдруг,
Как то оранжевым, то черным
Все заливается вокруг,

То сизым, то червонно-красным...
Притихли, замерли дома.
Минута эта так прекрасна —
Пред ней ничто гроза сама.

1954

СТУДЕНТКИ

Среди цветущей мать-и-мачехи,
Среди пробившейся травы
Учебник высшей математики
И три девичьи головы.

А в небе облако качается,
И солнце льет свой ровный свет.
Никак ответ не получается,
Никак не сходится ответ.

И кто-то там, средь мать-и-мачехи,
Приподнимается с земли:
— Ау, ребята! Где вы, мальчики?
Пришли бы, что ли, помогли...

1954

* * *

С воодушевленьем и задором
Девочка, беспечна и горда,
Говорит, захваченная спором,
Что не выйдет замуж никогда.

И подружки страшно горячатся,
Спорят — ничего не разберешь.
Рассуждают, можно ли ручаться,
И решают: можно, отчего ж!

Только мать молчит, не двинет
бровью,
Но потом не спится ей в ночи.
Скоро дочка встретится с любовью,—
Больно споры эти горячи...

1954

* * *

К чему копить ничтожные обиды,
Им не давать исчезнуть без следа,
Их помнить, не показывая виду
И даже улыбаясь иногда?

Они мелки, но путь их страшно долог,
И с ними лучший праздник нехорош.
Они — как злой блуждающий осколок:
Болит внутри, а где — не разберешь.

Вот почему я их сметаю на пол,
Пускай не все, но большую их часть.
Осколок только кожу оцарапал,
А мог бы в сердце самое попасть.

1954

* * *

Бывает, в парке, в летний вечер,
Заметишь нескольких девчат.
Они идут тебе навстречу
И что-то тихо говорят.

Но вот тебя в листве зеленой
Увидят — и наперебой,
Пожалуй, слишком оживленно,
Заговорят между собой.

Как бы самим себе внушая,
Что нет им дела до тебя,
И в то же время обращая
Твое вниманье на себя...

А мне милее на рассвете
Среди полей встречать девчат.
Они, вдали тебя заметив,
Как по команде, замолчат.

И, приближаясь тропкой росной,
Некстати речь не заведут.
Преувеличенно серьезно
Пройдут. Но только лишь пройдут,

Вмиг о серьезности забудут.
И засмеются. И не раз
Потом оглядываться будут,
Пока не скроешься из глаз...

1954

ПОРТРЕТ ДРУГА

Вижу я морщины, седину,
И другие стали замечать...
Но порою пристальней взгляну:
Это — нашей юности печать.

Это — друг средь памятных равнин
Шел в составе взвода своего,
Серебро таежных паутин
Впутывалось в волосы его.

А когда с винтовкою в руке
Он лежал у стежки луговой,
То морщинки на его щеке
Были отпечатаны травой...

1955

* * *

Едва вернулся я домой,
Как мне сейчас же рассказали
О том, что друг любимый мой
Убит на горном перевале.

Я вспомнил длинный ряд могил
(Удел солдат неодинаков!),
Сказал: — Хороший парень был, —
При этом даже не заплакав.

И, видно, кто-то посчитал,
Что у меня на сердце холод
И что я слишком взрослым стал...
Нет, просто был я слишком молод.

1955

* * *

Вл. Соколову

Зимний лес! От края и до края
Он застыл смолистою стеной,
Сердце беспокойное смущая
Неправдоподобной тишиной.

Он меня гнетет своим величьем,
Полным отрешеньем от всего
И высокомерным безразличьем
К жизни за пределами его.

Будто нет веселого сиянья
Городов, затерянных вдали,
Будто нет ни счастья,
ни страданья,
Будто нет вращения Земли.

Лишь порой взлетает ворон
круто,
Потревожив царственную ель,
И бушует целую минуту
Маленькая тихая метель.

1955

ПОТОМКУ

Где ты, друг? За какою горою?
Что там — будни у вас? Торжество?
Чем ты занят той славной порою?
Что читаешь и любишь кого?

За далекой неведомой зоной,
В мягком зареве ламп голубых
Что ты думаешь ночью бессонной,
Например, о потомках своих?

Что ты видишь, по жизни шагая,
В ярком свете тогдашнего дня?
Я тебя совершенно не знаю,
Ты-то знаешь, ты помнишь меня?

Что тебе из минувшего ближе?
Что ты знаешь про наше житье?
Я тебя никогда не увижу...

Как мне дорого мненье твое!

1955

МИМОХОДОМ

Где-то видел вас, а где — не знаю,
И припомнить сразу не могу.
Все же неуверенно киваю,
Даже улыбаюсь на бегу.

Сдержанно и чуть недоуменно
Вы мне отвечаете кивком,
Тоже вспоминая напряженно:
Вам знаком я или незнаком.

Пять минут тревожит эта тайна,
Да и то, конечно, не всерьез.
Просто где-то видел вас случайно,
Двух-трех слов при вас не произнес.

Никакая память не поможет,
Нет, не помню вашего лица...
А ведь кто-то вас забыть не может
И не позабудет до конца.

1955

* * *

Я был суров, я все сгущал,
И в дни поры своей весенней
Чужих ошибок не прощал
И не терпел сторонних мнений.

Как раздражался я порой,
Как в нелюбви не знал покоя.
Сказать по совести, со мной
Еще случается такое.

Но, сохраняя с прошлым связь,
Теперь живу я много проще:
К другим терпимей становясь,
К себе взыскательней и жестче.

1956

* * *

Мой милый друг, вполне могу ручаться,
Что у тебя довольное житье:
Ты мудро научился восхищаться
Лишь тем, что хуже, нежели твое.

И ты живешь в спокойствии лукавом,
Своим друзьям в глаза пуская дым,
Всех обманув таким приятным нравом
И шумным равнодушием своим.

1956

* * *

Приближалось время листопада.
Дед седой сказал мне поутру:
— Помирать не хочется, а надо,
Чувствую, что вскорости помру!..

«Надо?..»
...Вот бессонною порою
Вспомнилось нечаянно о нем.
Может, все мы чуточку герои,
Потому что знаем, что умрем.

А живем, смеемся и в потемках
С милыми целуемся в свой срок,
Думаем о мире, о потомках,
О судьбе непройденных дорог.

1956

* * *

Вдали стена заброшенной сторожки.
По сторонам — болото и овраг.
Мы встретились на узенькой дорожке,—
Ты обещал мне это, давний враг.

Как тщательно готовился ты к бою,
Ночною темнотою окружен.
Что ж, подходи! И я схвачусь с тобою.
Я безоружен — ты вооружен.

Иди, иди!.. И ты ступаешь гибко,
В глазах настороженность, торжество
И даже виноватая улыбка —
На случай пораженья своего.

1956

ЗИМНЕЕ

Картины осени приелись, —
Все эти пестрые холмы.
Есть освежающая прелесть
В однообразии зимы.

Далекий лес лежит каймою,
Простерлись белые поля.
Свободней дышится зимою,
Обширней кажется земля.

1956

ХЛЕБНЫЕ КАРТОЧКИ

Отдельно — для малых детей,
Для служащих и для рабочих,
Суровый, без всяких затей,
По дням разграфленный листочек.

Движения ножниц слышны, —
Талон отрезают вначале, —
В рабочих поселках страны
Хлеб на день вперед получали.

Далекий, нам снившийся тыл,
Он жил, ничего не жалея.

Я б карточки те поместил
В безмолвные залы музея.

Средь снимков гвардейских колонн
И рядом с партийным билетом,
Что кровью святой окроплен
Над Волгою памятным летом.

Я их положил бы на свет...
Но только тут случай особый:
Их нет, этих карточек, нет, —
Найди в своем доме, попробуй!

...Иное легко сохранить,
Чтоб знали о прошлом потомки:
Рассказа старинного нить,
Прапрадедов нищих котомки.

Оружие наших отцов,
И наше оружие тоже,
И деньги любых образцов,
И мысли, что денег дороже.

Но здесь — эшелоны в пыли,
Блокадные бледные дети...
Ну, как сохраниться б могли
Военные карточки эти?

1956

* * *

М. Бернесу

Я люблю тебя, Жизнь,
Что само по себе и не ново,
Я люблю тебя, Жизнь,
Я люблю тебя снова и снова, —

Вот уж окна зажглись,
Я шагаю с работы устало.
Я люблю тебя, Жизнь,
Я хочу, чтобы лучше ты стала.

Мне немало дано, —
Ширь земли и равнина морская.
Мне известна давно
Бескорыстная дружба мужская.

В звоне каждого дня
Как я счастлив, что нет мне покоя!
Есть любовь у меня, —
Жизнь, ты знаешь, что это такое.

Как поют соловьи.
Полумрак. Поцелуй на рассвете.
И вершина любви —
Это чудо великое — дети.

Вновь мы с ними пройдем
Детство, юность, вокзалы, причалы.
Будут внуки потом —
Все опять повторится сначала.

Ах, как годы летят!
Мы грустим, седину замечая.
Жизнь, ты помнишь солдат,
Что погибли, тебя защищая?

Так ликуй и вершись
В трубных звуках весеннего гимна!
Я люблю тебя, Жизнь.
Я надеюсь, что это взаимно.

1956

ВОСХОД

Поднимается солнце над степью:
Появляется краешек вдруг,
Словно тянут невидимой цепью —
Выше, выше... Уже — полукруг.

Люди добрые спят почему-то.
Эй, товарищи! Солнце встает!..
Отвернись на одну лишь минуту,
И пропустишь светила восход.

Не зевай!.. Розовеет осока...
Вот оно — полыхает, как медь,
Поднялось, но еще не высоко, —
На него еще можно смотреть,

1956

* * *

Я в юности с девчонкою гулял
Бесхитростной, румяной и смешливой.
И помню — что бы ей ни рассказал,
Она сейчас же делалась счастливой.

О чем бы речь, бывало, ни зашла,
Она смотрела радостно-тревожно:
Она предлога малого ждала,
Чтоб вволю посмеяться было можно.

Мы над рекою с некоторых пор
Бродили с нею чуть не до рассвета,
И я бросал серьезный разговор,
И как она ценить умела это!

Довольно было сущей ерунды,
Пустячного оброненного слова,
И над сияньем медленной воды
Ответный смех раскатывался снова.

Мы к дому шли. Спокойно спал
квартал...
Девчонке было весело со мною
До той поры, пока я не устал
Все время ей рассказывать смешное.

1956

БУКЕТ

Я шел к тебе с таким букетом,
Его подняв над миром ввысь,
Что молодые пчелы следом
Ошеломленные вились.

Ступая тапочками звонко,
Зажав замурзанный платок,
Шла незнакомая девчонка
И ныла: — Дядя, дай цветок!..

И на глаза довольной паре
Потом попался мой букет.
— Простите, где вы покупали?
Какая прелесть этот цвет!..

Спросила встречная старуха:
— Им георгины не родня?.. —
И чей-то вздох коснулся слуха:
— А ведь и ты любил меня...

1956

ПРИЕЗД

Что поделаешь тут?
Я торчал у ворот полчаса,
Я забыл, как зовут
Бесподобного этого пса.

Мне пройти бы скорей!
Но, тяжелою цепью звеня,
Он возник у дверей
И с вниманьем смотрел на меня.

Он хвостом не вертел,
Преднамеренно радость тая.
Он был прав, — он хотел,
Чтобы первым здоровался я.

В землю лапами врос
И стоял у меня на пути.
— Понимаешь ли, пес,
Я забыл твое имя, прости.

В суматохе людской
Позабудешь порой не о том.
Зря ты смотришь с тоской,
Ты не думай, я вспомню потом.

Все как прежде, поверь,
Посмотри мне с любовью в лицо... —
...Резко скрипнула дверь,
Ты шагнула стремглав на крыльцо.

И отпрянула тишь.
Ты сбежала, прижалась к груди.
— Ну, чего ты стоишь?
Как доехал? Скорее входи!..

...Полыхала заря.
Пес беспечно застыл в стороне,
Видом всем говоря.
Что жестоко ошибся во мне.

1956

* * *

По горным кряжам, вырубкам и долам,
На краткий миг склоняясь над ручьем,
Шагал я с неудобным и тяжелым
Противотанковым ружьем.

В ночи ориентируясь по звездам,
Пуская ввысь махорочный дымок,
Привык себя считать я очень
взрослым,—
Иначе б это выдержать не смог.

Я спал,
постелью хвойною исколот,
Горело натруженное плечо...

Лишь в тридцать лет
я понял, что я молод,
Что сорок — тоже молодость еще.

1956

* * *

Гаснет окон позолота,
Ночью слышно мне:
За стеною ходит кто-то
От стены к стене.

Взад-вперед в глухую пору,
Как тоска сама...
Может быть, с любимой ссора,
Может, нет письма.

Иль не ладится работа...
Слышу в тишине:
За стеною ходит кто-то
От стены к стене.

Или, может, впал в немилость
У начальства вдруг,
Или впрямь беда случилась —
Предал верный друг.

Ночь идет с часами вровень,
Холодна, густа.
Ну, а может, сам виновен,
Совесть не чиста?

Ходит, сам с собою споря,
В тишине ночной...
Человеческое горе
Рядом, за стеной.

Надвигается дремота.
Брезжит свет в окне.
За стеной все ходит кто-то
От стены к стене.

1956

ВЕСНОЙ

Первый ливень над городом лупит,
Тарахтит в водосточной трубе.
«Ах, никто меня в мире не любит»,—
Врет девчонка самой же себе.

Брызги тучей стоят над панелью.
А девчонка в квартире одна, —
Врет от радости и от веселья
У раскрытого настежь окна.

Дождь с размаху по улицам рубит,
По троллейбусным крышам стучит.
«Ах, никто меня в жизни
не любит!» —
Звонко голос счастливый звучит...

1956

В РАЗЛУКЕ

Куда пойти? Что сделать? —
                                        не решу я,
Стою, фуражку сдвинув набекрень.
Неистовствуя, мучаясь, бушуя,
Из-за заборов ломится сирень.

Природа зазевается немного,
И в тот же миг свободно и легко
Сирень, кипя, прольется на дорогу,
Как через край кастрюли — молоко.

И все заполнит чадом лиловатым...
Нет! Я не то сравнение нашел, —
Она с громовым яростным раскатом
Хлестнет, как в бурю волны через мол.

Тих городок по имени Барятинск,
Закутался садами до бровей.
Трещат заборы, сдерживая натиск
Тяжелых, перепутанных ветвей.

Хрустит сирень, тоскует и теснится, —
И тоже тесно сердцу моему, —
Сопротивляясь, медленно кренится
И тонет мир в сиреневом дыму...

1956

* * *

Под взглядом многих скорбных
глаз,
Усталый, ветром опаленный,
Я шел как будто напоказ
По деревушке отдаленной.

Я на плечах своих волок
Противогаз, винтовку, скатку.
При каждом шаге котелок
Надсадно бился о лопатку.

Я шел у мира на виду —
Мир ждал в молчанье
напряженном:

Куда сверну? К кому зайду?
Что сообщу солдатским женам?

Пусть на рассвете я продрог,
Ночуя где-нибудь в кювете,
Что из того! Я был пророк,
Который может все на свете.

Я знал доподлинно почти,
Кто цел еще, а с кем иное.
И незнакомые в пути
Уже здоровались со мною.

А возле крайнего плетня,
Где полевых дорог начало,
Там тоже, глядя на меня,
В тревоге женщина стояла.

К ней обратился на ходу
По-деловому, торопливо:
— Так на Егоркино пройду?
— Пройдете, — вздрогнула. —
Счастливо.

Поспешно поблагодарил,
Пустился — сроки торопили...
— Ну что? Ну что он говорил? —
Ее сейчас же обступили.

1956

* * *

Евг. Винокурову

Стучит по крыше монотонно,
Беззвучно льется по стеклу,
Бурлит в канавке из бетона,
Бормочет в кадке на углу.

В полночной мгле свистит
над полем,
Шуршит по листьям мокрых рощ...

Когда б я был собой доволен,
То как бы спал под этот дождь!..

1956

НОЧНАЯ ДОРОГА

Л. Гинзбургу

Иду, бодрюсь... А где-то ель скрипит,
И почему-то делается грустно.
Все спит кругом, а может, и не спит,
А только притворяется искусно.

На дне канав мерцает лунный блик.
Пугая тишь, заухал филин в чаще.
Как путь далек, как этот мир велик!..
Друзья, давайте видеться почаще!

1956

КУПАЮЩАЯСЯ ДЕВУШКА

Она разделась суетливо,
Решась, оставила кусты,
Пошла тревожно, торопливо,
Стыдясь своей же наготы.

Не то что баба пожилая,
Что входит в озеро, ленясь, —
Она ступала, вся пылая,
Рукой от солнца заслонясь.

О, почему не видят люди
Ее смущающийся взгляд
И эти маленькие груди,
Что в обе стороны торчат.

Вступила в воду по колено,
Остановилась, несмела.
И вдруг присела, взбила пену,
Бурля ногами, поплыла.

Вдали скользит полоска дыма,
Блестит пустынное жнивье...
Спокойно и невозмутимо
Природа смотрит на нее.

1957

* * *

Дул теплый ветер. Я проснулся рано
И полчаса лежал не шевелясь.
Вдали за речкой буксовала рьяно
Полуторка, заехавшая в грязь.

Топорщились густым зеленым луком
Две маленькие грядки у окна.
Вставало солнце мокрое над лугом,
И душу поражала тишина.

Жило во мне сознание покоя,
Забытое с неведомых времен.
И было ощущение такое,
Как будто это детство или сон,

Как будто бы окончена работа,
И я еще другою не томим,
Как будто бы в Москве остался кто-то,
Известный там под именем моим.

Живет, стихи печатает в журнале
И заседает в спорах и в дыму.
Его весьма хвалили и ругали...
Желаю всяких радостей ему.

1957

* * *

Мне давно это чувство знакомо:
Ветви бьют вперехлест.
У крыльца, возле нашего дома,
Лужа, полная звезд.

Я стою и курю на пороге,
Двери настежь открыл.
В вышине, на небесной дороге,
Шелест медленных крыл.

Это гуси из дальней сторонки,
Как солдаты — домой.
Представляю пески и воронки
Той дороги прямой.

Крыльям тяжко, дыханию тесно.
Эй, правей забирай!
Что их ждет впереди — неизвестно,
Лишь бы отческий край.

...Мне и трудно, и грустно порою,
И пути не легки.
Но весеннею ночью сырою
Вижу — все пустяки

Перед этой огромной равниной,
Что томится к весне,
Перед этой дорогою длинной
Надо мной в вышине...

...Стук сосулек непрочных и веских.
И всю ночь напролет
В одиноких пустых перелесках
Дождь по снегу идет.

1957

* * *

Я вздрогнул: одноногий паренек
Стоял внизу — уверенный и ловкий,
На валенке единственном — конек,
Прикрученный растрепанной веревкой.

В нелепом положении своем
Он выглядел таким невозмутимым.
Свободно оттолкнулся костылем
И покатил, повитый снежным дымом.

Вот он уже мелькает вдалеке,
Вот снова приближается, как веха,
Летящий на единственном коньке,
Сын нашего отчаянного века.

И он, и все товарищи его,
Скользящие навстречу или следом,
Привыкли и не видят ничего
Геройского, особенного в этом.

Звенит конек, потом костыль стучит
И, как весло, мелькает над рекою.
Я проходил. Я тоже сделал вид,
Что каждый день встречается такое.

1957

БУДНИ

Сижу утрами с чашкой синей
И носом чуть клюю.
Промчались праздники. Отныне
Жизнь входит в колею.

Ложимся рано, словно дети.
Глядит звезда в окно.
И завтракаем мы при свете, —
За окнами темно.

В свои права вступили будни,
И нам вперед идти.
И день размерен, как на судне,
Что много дней в пути.

Сечет по стеклам снег осенний,
Колеблется заря.
Меж островками воскресений —
Недели как моря.

Но что-то есть в таком укладе,
Что силы придает.
По этой кажущейся глади
Плыву не первый год.

Идет корабль. Воды круженье.
Просторов широта.
И неуклонное движенье
Рабочего винта.

1957

ОСЕНЬ

Был поздний ветер дюж,
Нес пепел листьев прелых
И муть, как из тарелок,
Выплескивал из луж.

Рябины рдела гроздь.
А лес, густой недавно,
Листвой блиставший славно,
Стал виден всем насквозь.

Он был как близкий дом,
Где содраны обои,
Нет ламп над головою, —
Узнаешь, да с трудом.

В различные концы,
Сложив свои гардины
И сняв свои картины,
Разъехались жильцы.

Струился дождь из мглы,
Тянулся запах прели,
И словно обгорели
Намокшие стволы.

О милые дома!..
Напрасно сердцу грустно:
Все выправит искусно,
Все выбелит зима.

1957

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

Я приобрел у букинистов
Книжонку пухлую одну,
Где океана рев неистов
И корабли идут ко дну.

Она была грязна, потерта, —
Обыкновенное старье,
Но ей цена была пятерка,
И я в дорогу взял ее.

В ней было все: любви рожденье,
Добра над мраком торжество
И о простуде рассужденья, —
Но как написано мертво!

В тягучей этой веренице
(Проливы, шпаги, парики)
На сто семнадцатой странице
Я встретил надпись от руки.

И в ней была такая сила,
Что сердце дрогнуло слегка.
«Я вас люблю!» — она гласила,
Та рукописная строка.

Я замер, — вы меня поймете, —
Перевернул страницу враз
И увидал на обороте:
«Я тоже полюбила вас».

И предо мною словно вспышка —
Тенистый сад, речонки гладь.
Она: — Простите, что за книжка?
Он: — Завтра дам вам почитать...

...Я ехал в ночь. Луна вставала.
Я долго чай дорожный пил
И не досадовал нимало,
Что книжку глупую купил.

И, как в магическом кристалле,
Мне сквозь огни и времена
«Я вас люблю!» — в ночи блистали
Торжественные письмена.

1957

* * *

Будь у меня любимый старший брат,
Его советы слушал бы, робея,
Его защите братской был бы рад
До той поры, покуда я слабее.

Будь у меня любимый младший брат,
Его учил бы жизни, как умею,
И защищал, не требуя наград,
До той поры, покуда я сильнее.

Будь у меня любимая сестра,
Я поверял бы ей свои секреты.
Она умна была бы и добра,
Мы были б дружбой нежною согреты.

Они читали б мой веселый стих,
В тиши рожденный, в грохоте и лязге.
Для их детей, племянников моих,
Я б не жалел ни времени, ни ласки.

Нет у меня ни братьев, ни сестры.
И не было.
Пусть есть жена и дети,
Друзья... Но с незапамятной поры
Мне грустно иногда на белом свете.

1957

ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ НОЧЬЮ

Гидростанция. Ночь. Полумрак.
На флагштоке полощется флаг.

Лишь в одном только зале светло,
И по этой огромной палате
Ходит женщина в белом халате,
На приборы глядит сквозь стекло.

Замечает внимательный взгляд,
Как приборы, застывшие в раме,
Будто рыбы во сне плавниками,
Чутко стрелками вдруг шевелят.

Все как будто окутано сном.
Дремлют сосны и звезды над ними.

Ярко пахнет цветами ночными
За распахнутым круглым окном.

Но уносятся вдаль провода,
Меж столбами слегка провисая,
И спешат электрички, трамваи,
И ночные не спят города.

И такой разливается свет,
Что, пожалуй, сомнения нету:
Видно нашу с тобою планету
С отдаленных неясных планет.

Видно добрые эти огни,
Их спокойное в мире теченье,
Их летящее в небо свеченье.
Гидростанция только —
в тени.

На флагштоке полощется флаг.
Гидростанция. Ночь. Полумрак.

1957

ЖЕНЬКА

Стоит средь лесов деревенька.
Жила там когда-то давненько
Девчонка по имени Женька.

Мальчишечье имя носила,
Высокие травы косила,
Была в ней веселая сила.

Завыли стальные бураны,
Тень крыльев легла на поляны.
И Женька ушла в партизаны.

В секрете была и в засаде,
Ее уважали в отряде,
Хотели представить к награде.

Бывало, придет в деревеньку,
Мать спросит усталую Женьку:
— Ну как ты живешь?
— Помаленьку...

Висит фотография в школе,
В улыбке — ни грусти, ни боли,
Шестнадцать ей было — не боле.

Глаза ее были безбрежны,
Мечты ее были безгрешны,
Слова ее были небрежны...

1957

СЛЕЗЫ

В поселке пригородном слякоть,
За перелеском стук колес...
Давно я разучился плакать,
Не помню, вкус какой у слез.

Лишь иногда порой ночною,
Не потревожив тишину,
Над чьей-то сладкою строкою
Слезинку выдавишь одну.

Умели прежде умиленно
Всплакнуть у друга на плече.
Но каждый век — свои законы,
И мы живем в другом ключе.

Какие дни, какие грозы!
Цветут цветы по страшным рвам..
О человеческие слезы,
Мы понимаем цену вам.

Вам, молодым, первоначальным,
И вам, ползущим средь морщин,
Вам, и счастливым и печальным,
И вам, что просто без причин,

Слезам фальшивым и лукавым,
Что ни горьки, ни солоны,
Слезам открытым, величавым
И тем, что вовсе не видны.

1957

РАБОЧИЙ

Тряся коротким чубом темно-русым
И глядя вниз из-под тяжелых век,
Он моется медлительно, со вкусом,
Как истинно рабочий человек.

Он моется, с ладоней грязь сдирая,
Сначала пена мыльная черна,
Но вот вскипает серая — вторая,
И третья пена — радужна она.

Из медного, чуть с прозеленью крана
В ладони бьет крученая струя.
Он хочет есть. Он встал сегодня рано,
Когда еще спала его семья.

Зря не глядит хозяюшка на стрелки.
Он в дом — и час обеденный пришел.
Цветастые глубокие тарелки
Немедленно поставлены на стол.

Густые щи, под ложкой убывая,
В фарфоровых теснятся берегах.
И табуретка стонет, как живая,
Под ним на четырех своих ногах.

Неторопливо вытерший ладони,
Уставший у станков или горнил,
Он молча ест в своем прохладном доме,
Где на клеенке пятна от чернил.

Взгляни на эти руки и пойми ты:
Я с детства о таких руках мечтал.
Хоть вымыты они, да не отмыты,—
Синеет в кожу въевшийся металл.

Жестки, спокойны и широкопалы
Те руки настоящего труда,
Что варят сталь, кладут в пустыне
шпалы
И сквозь бураны водят поезда,

Что подымают стены в год разрухи
И счет теряют новым корпусам,
Что жмут такие ж дружеские руки
И гладят малышей по волосам.

1957

ВОЛКИ

Луна над снежным полем серебрится...
Морозной хрупкой ночью,
                              в январе,
Из лесу вышла длинная волчица,
Зевнув, остановилась на бугре.

Бросая тень на зыбкие сугробы,
Задрав башку и глядя в вышину,
Голодным криком всей своей утробы
Томительно завыла на луну.

Молчали запорошенные дали,
Не откликалась дремлющая высь,
Но волки зов протяжный услыхали,
Негромко, не спеша отозвались.

И на поляну вышли. Над равниной
В холодном блеске лунного огня
Поплыл их вой, надтреснутый,
звериный,
Всему живому сердце леденя.

Оборвалась мелодия тупая,
Звучащая над миром тыщи лет.
Они пошли цепочкою,
ступая
Старательно, в один и тот же след.

Шоссе... Автобус фарами лучится.
Легли они, напрягшиеся все.
Прошел!..
Взметнулась длинная волчица,
Одним прыжком махнув через шоссе.

Село на взгорке пахнет свежим хлебом.
Но там гармонь на улице, народ.
А сытный дух, клубящийся над хлевом,
Им ноздри потревоженные жжет.

Стоит мороз, потрескивая звонко.
Они прошли меж яблоней в саду.
На гумнах зазевалась собачонка, —
В молчанье разорвали на ходу.

В глазах остановившаяся злоба
К живому, что укрылось взаперти,
Они идут. Смотри, товарищ, в оба,
Не медли, находящийся в пути!

Опять деревня — спящая, ночная.
По улице пустынной при луне
Они выходят в поле, оставляя
Охотничью сторожку в стороне.

От дыма папиросного густого
В сторожке синь. Теплом струится печь.
Там утра ждут. Там все уже готово:
Шнуры, флажки, трещотки и картечь!

1958

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

В своей тяжелой снежной шубе
Спит городок, глаза прикрыв,
Когда внезапно в старом клубе
Сеанс кончается, как взрыв.

Ночной покой мгновенно взломан:
Вот песня громкая слышна.
Свистят мальчишки. Говор, гомон...
И снова в мире тишина.

Дорога — улочкою гладкой,
Сиянье близкого лица.
И бесконечное, с оглядкой,
Прощанье около крыльца.

И разговор чудной, неточный,
Где столько важных пустяков.
И дух, дурманящий, цветочный
Дешевых девичьих духов.

Ведь каждый знал минуту эту,
Когда прошел уже народ,
Когда на свете слаще нету,
Чем целоваться у ворот.

И по морозцу, по морозцу,
Такою звонкою зимой,
Куря небрежно папироску,
Спешить под звездами домой.

Идти, с оградки снег сшибая,
Припоминать обрывки фраз.
А тень молочно-голубая
Тебя длиннее в десять раз.

Шагать и знать, что жизнь в избытке,
Что ты счастливый человек.
Остановиться у калитки
И папироску бросить в снег.

И, наслаждаясь ночью хрупкой,
Еще немного погодить,
Ключи нашарить под приступкой,
Войти и мать не разбудить.

1958

ГЛАЗА

Я в них смотрю, как в чистые озера,
Где крохотные камешки на дне,
Где водорослей тонкие узоры,
Где сам я отражаюсь в глубине.

Они играют бликами живыми,
Мне радость и уверенность даря.
И, отступая, меркнут перед ними
Все в мире океаны и моря.

1958

* * *

Меж бровями складка.
Шарфик голубой.
Трепетно и сладко
Быть всегда с тобой.

В час обыкновенный,
Посредине дня,
Вдруг пронзит мгновенной
Радостью меня.

Или ночью синей
Вдруг проснусь в тиши
От необъяснимой
Нежности души...

1958

НАДПИСЬ, ВЫСЕЧЕННАЯ НА КАМНЕ В ГОРАХ

Упаси вас бог познать заботу
Об ушедшей юности тужить.
Делать нелюбимую работу,
С нелюбимой женщиною жить.

1958

ПРОВОДЫ

Нас в армию девчата провожали,
С которыми до памятной зимы
Делили мы и радость и печали,
С которыми учились вместе мы.

Я вижу их шубейки и гребенки
И странную растерянность их глаз,
Они стояли — все еще девчонки,
Но было им по-бабьи жалко нас.

В какой-то миг особым женским
взором
Они сквозь дым увидели поля,
По длинным госпитальным коридорам
Унылое мельканье костыля.

Им виделись шершавые шинели,
Костры, потери нашего полка.
А может быть, себя они жалели,
Не сознавая этого пока.

1958

ВПЕРВЫЕ

С закадычной подружкою в паре
Танцевала свободней она,
А сейчас, когда вел ее парень,
Чуть в движеньях была стеснена.

Посредине веселого роя,
В толчее они были одни,
На других натыкаясь порою,
Словно вдруг пробуждались они.

Люди смотрят — обоим казалось.
У него над губою пушок.
Даже бритва еще не касалась
Этих чистых мальчишеских щек.

Над кипеньем районного сада
Осень пышных не тронула куп,
Как еще не коснулась помада
Этих пухлых девических губ.

1958

ПЕЙЗАЖ

Все точно, только вверх ногами
В речной воде отражено:
Лужок со свежими стогами,
Дома, церквушка и гумно,

Березки тихие над яром,
Девчонка в платье голубом.
Лишь солнце кажется не шаром,
А длинным огненным столбом.

Прошла моторка-тараторка
И взбаламутила реку,
Плывет баржа... Арбуза корка
Волной прибита к ивняку.

Среди равнинного покоя,
Перед суровым полотном
Сидит художник над рекою
На детском стульчике складном.

Над желтизной прибрежной мели,
Как снайпер, щурит левый глаз.
Он каждый день, уже неделю,
Сюда приходит в тот же час.

И часто, словно шутки ради,
Приходит женщина сюда
И долго смотрит, стоя сзади,
Как на холсте живет вода.

Как по холсту баржа большая
Плывет и как течет река,
Неторопливо отражая
Дома, стога и облака.

1958

У ТОЧИЛЬНОГО КРУГА

Лес снегом засыпан. Дыхания дым.
У круга точильного ночью стоим.

Я ручку верчу, тешу силу свою,
Как будто тяну из колодца бадью.

Точило, вращаясь, идет тяжело.
Горят топоры под луной, как стекло.

А искры блестят, точно брызги летят.
Ах, сколько же дней это было назад!

Ах, сколько же зим отшумело с тех пор,
Как перед работой точил я топор.

Точил — говорил: — Ты, браток,
не шути,
Точило, дружок, веселее крути,

Чтоб по лесу вновь зазвучали щелчки,
Когда топором обрубают сучки,

Чтоб был мой топор, будто бритва,
остер,
Чтоб камень зазубрины с лезвия стер!..

Стоял я тогда у начала начал,
И палец из варежки драной торчал,

Вращаясь, точило тяжелое шло,
И лишь от луны да от снега светло.

— Крути веселей! — Прибаутки и смех.
А с сосен медлительно падает снег.

И рвется тревожно в морозную даль
Звук резкий: то камня касается сталь.

1958

ЖАСМИН

Укрывшийся шинелью длинной,
На девятнадцатом году,
Я задыхался от жасмина
В глухом разросшемся саду.

Навис над нами пышной тучей
И небо звездное затмил
Ошеломляюще-пахучий,
Забытый армией жасмин.

Несовместимыми казались
Фигуры темные солдат
И эта лопнувшая завязь,
Собой заполнившая сад.

И на заросшем белом склоне,
В обозе, где-то не вдали,
Тонули средь жасмина кони,
Чихая, гривами трясли.

Земли разбуженная сила
В который раз цвела опять,
Но только некому нам было
В ту ночь жасмину наломать.

Над полусонным нашим строем
Потом кружились лепестки,
Они ложились ровным слоем
В стволы орудий, в котелки.

Плыл надо мной жасмина ворох,
И я жасмином весь пропах.
Он был сильней, чем дымный порох,
Чем пот солдатский и табак...

1958

СОН

Месяц плыл. Он легок был и тонок...
В хатке, средь зеленого села,
У стены беззвучно, как ребенок,
Молодая женщина спала.

Снились ей изломанные лозы,
Танков гул, кладбища без границ...
И сочились медленные слезы
Из-под плотно сомкнутых ресниц.

1959

СМЕРТЬ

Он лежал на поле боя
Прямо на спине,
Что-то очень голубое
Видя в вышине.

Он лежал на голой тверди,
Как живого тень.
И о жизни и о смерти
Думать было лень.

Потонула высь во мраке,
Но в последнем сне
Вдруг он вспомнил об атаке,
О минувшем дне,

О родимом вспомнил крове,
О живых врагах —
Потерявший много крови
Мальчик в сапогах.

1959

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ СТАРОГО СОЛДАТА

Я был бойцом. Давно лежу в могиле —
Вдали от всех, в холодной глубине.
Пускай мои друзья меня забыли,
Мои враги — те помнят обо мне.

1959

КУКУШКА

Отважный мальчишка, исполненный сил,
Услышал кукушку и громко спросил:

— Кукушка-кукушка, а сколько мне
лет?.. —
Двенадцать «ку-ку» прозвучало в ответ.

Довольный ответом, он лег на траву.
— А сколько на свете еще проживу?..

Молчала кукушка на первых порах,
И он, озираясь, почувствовал страх.

Вновь стала кукушка ему куковать,
Он сбился со счета и начал опять.

Валялся, смеясь над приметой былой.
Тянуло от сосен нагретой смолой.

И плыл над землей нескончаемый день,
И было, как в школе, считать ему лень.

1959

СЕВЕР

Суровый Север, пасмурные воды,
Далекие студеные края,
Лесозаводы и рыбозаводы,
В воде кора да рыбья чешуя.

Отчетливые Севера приметы:
Меж валунов катящийся ручей
И островерхих елей силуэты
В сиянье белых северных ночей.

К Архангельску от Устюга упруго
Идет вода, пропахшая сосной,
И я опять стремлюсь на Север с Юга,
Как птица перелетная весной.

Меня опять не может не растрогать,
Не растревожить душу глубоко
Простор озер — то черных, словно
деготь,
То белых, как парное молоко.

Мне дороги и сутолока порта,
И рубленное с выдумкой крыльцо,
И всем ветрам подставленное гордо
В венке из кос открытое лицо.

1959

ДВА ЧЕЛОВЕКА

Здесь края обширные от века,
Только этим землям не в пример
Население — два лишь человека
На один квадратный километр.

Посреди безмолвного покоя
Не спеша беседуют со мной
В маленькой избушке над рекою
Молодые оба — муж с женой.

А на полках тонкие пробирки,
Баночки с мальками и с икрой,
Пестрые таблицы, схемы, бирки,
Пахнущие школьною порой.

Мы толкуем запросто за чаем,
За вопросом следует ответ:
— Как живем? Вот рыбу изучаем,
— Скучно ли? Весной, конечно, нет...

Пьет хозяйка медленно из блюдца,
И не понимаю почему,
Но глаза — глаза ее смеются,
Нежно улыбаются ему.

Представляю бури и ненастье
И вот эту дружную семью,
На земле живущую в согласье.
Что ж я им вопросы задаю?

От речной сверкающей излуки
Белый дым клубится по траве,
Я им жму по очереди руки:
— Заходите — будете в Москве...

Машут мне, как водится:
— Счастливо!..—
Долго в поле зрения моем
На краю высокого обрыва
Над водой стоят они вдвоем.

Лодка. Дом. Бревенчатые стены.
И, вбирая мира голоса,
Немудреный веничек антенны
Словно подметает небеса.

Вот уже исчезла эта веха,
Никаких особенных примет...
Два, зато хороших, человека
На один квадратный километр.

1959

СОЛОВЬИ

Соблюдая привычки свои
И природы закон принимая,
Из далеких земель соловьи
Прилетели десятого мая.

И в черемухе белой лесной
Лишь успели на ветках рассесться,
Затопили щемящей волной
Нашу землю, и душу, и сердце.

Рвутся трели пернатых певцов,
Их трепещущий голос чудесен...
А позднее выводят птенцов
И смолкают: уже не до песен,

Не до разных пустячных затей.
Принимайся всерьез за работу:
Прокормить надо малых детей
Да еще обучить их полету,

Защитить от возможных невзгод...
Надо этому только дивиться,
Что до августа рядом живет
Соловей — молчаливая птица.

А затем, покидая сады
И приречные рощи густые,
Точно в клювы набрали воды,
Улетают молчком из России.

Соловьиная доля трудна,
Мы ж забыли про это терпенье, —
Помним трели, да ночи без сна,
Да черемухи белой кипенье.

Помним, как из росистых ветвей,
Словно вдруг вырываясь из плена,
Возвратившийся к нам соловей
Сыплет двадцать четыре колена.

1959

ШУТНИК

Пять минут стояли на разъезде.
Увидал красавицу с ведром,
Крикнул ей: — Махнем на Север
вместе?
Там большие деньги наживем!..

Глянул на поплывшие березки,
Услыхал: — Счастливого пути! —
Прикурил от чьей-то папироски,
Чтобы спичку зря не извести.

1959

НЕИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК

Неизвестный художник давнишнего века —
Может, был он известен, но в узком
кругу —
Написал на холстине портрет человека
Так, что глаз от него оторвать не могу.

Краска лупится, трещинки как паутина,
Реставратор, волнуясь, трясет головой,
Но живет и поет о бессмертье картина,
Потому что написана кистью живой.

И рождается отзвук в сердцах и на лицах,
Потому что и замысел в сердце рожден.
Неизвестный — в каталогах всех
и в таблицах
Меж другими, известными, значится он.

Я стою, пораженный искусством чудесным,
Чей в веках сохранился отчетливый след.
Я бы только мечтал стать таким
Неизвестным
Где-нибудь через триста — четыреста лет.

Вижу это лицо — губы, сжатые плотно.
Утомленный и все понимающий взгляд...
Пусть живут мастеров Неизвестных
полотна,
Как светильники в честь Неизвестных
солдат.

1959

ВОСПОМИНАНИЕ

Все было, брат, со мной
На этом белом свете,
И ездил я к одной
На велосипеде.

Всходил я на крыльцо,
Машину ставил в сенцы
И, взявшись за кольцо,
Ждал, чтоб утихло сердце.

А в сенцах полумгла.
Сквозь пыльное окошко
Луч падал как стрела
На старое лукошко.

Стучал я... Двери мне
Хозяйка открывала,
Краснела в тишине
И в губы целовала.

1959

СВИДАНИЕ

Где плывут облачка живые,
Где ромашковый бьется вал,
Парень в жизни своей впервые
Робко девушку целовал.

Обронила в траву заколку,
Поискала и не нашла,
Ухватила коня за холку,
Улыбнулась уже с седла.

— Не спеши! Погоди немного!.. —
Молча глянула на него
Покровительственно и строго,
Будто не было ничего.

В синем море дневного света,
Что до боли глаза слепит,
За холмами растаял где-то
Убывающий стук копыт...

1959

ОТДЫХ У МОРЯ

Море грохочет ночами,
В берег стучать не устав.
Будто идет за холмами
Длинный-предлинный состав.

Встать бы, вскочить на подножку,
Ехать и ехать бы мне.
Вот задремал понемножку,
Станцию вижу во сне.

Поезда слышу гуденье.
Долго еще до шести.
Часты мои пробужденья,
Как остановки в пути.

Люди спешат, уезжают,
Слышен последний звонок.
Вижу: не всех провожают,
Кто-то стоит одинок.

Ты понапрасну не сетуй,
В этом природа моя, —
В жизни обыденной этой
Вижу Поэзию я.

Вижу ее, понимаю,
Верю в нее, как в зарю,
Кепку пред нею снимаю,
Тихо ей так говорю:

— В слякоть, в жару и в порошу
Шли мы с тобою не врозь.
Я тебя в жизни не брошу,
Ты меня только не брось...

...Я просыпаюсь от счастья,
Море утихло. Роса.
Бегло смотрю на запястье —
Только четыре часа.

1959

* * *

Всходит по ступенечкам, —
До чего мила! —
Аккуратно веничком
Ноги обмела.

На крючок повесила
В угол пальтецо,
Посмотрела весело
Прямо мне в лицо.

— Перестань ты хмуриться, —
Тихо говорит, —
Погляди, на улице
Белый снег валит.

1960

РЫЖАЯ

Рыжая вышла, в мать.
Видно, уж так бывает:
Рыжая эта масть
Прочую забивает.

Только зима к концу,
Солнышко на опушке, —
Как по всему лицу
Яростные веснушки.

Нету других таких!
В прихоти неустанной
Долго сводила их
Сливками да сметаной.

Не пропадает знак —
Жгучих лучей награда.
Плюнула — мол, и так
Влюбится, если надо.

Ох, а язык остер.
Девка она такая.
Рыжих волос костер
Мечется, полыхая.

В этом огне дотла
Можешь сгореть, мальчишка.
Будет одна зола
От твоего сердчишка.

Рыжая благодать!
Что ж это впрямь за диво?
И ведь нельзя сказать,
Чтобы была красива.

Встретится на пути,
Сердце заставит биться.
Можно с ума сойти,
Если в нее влюбиться.

1960

СОЛОВЬИНЫЙ КОРИДОР

Цвела черемуха в ту пору
От корабля в пяти шагах,
Шло судно как по коридору
В цветущих узких берегах.

А соловьев шальная сила
Мир заполняла до краев,
Их даже слишком много было,
Аж стон висел от соловьев.

Над речкою, как покрывало,
Не торопясь, копился пар.
На разных палубах стояло
Десятка два недвижных пар.

А соловьи всё пели, пели,
Перекликались соловьи.
И люди вслушивались в трели
И в чувства светлые свои.

Назавтра музыка в салоне
Всех разбудила в поздний час.
Пестрели домики на склоне,
Раздолья радовали глаз.

Степные открывались дали,
Мы выходили на простор
И чуть смущенно вспоминали
Тот соловьиный коридор.

1960

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вернулся муж с большой войны.
Ушла родня, все гости тоже,
И слушал он шаги жены,
Уже в постели мягкой лежа.

В буфет посуду убрала,
Поднять окурок наклонилась,
Сняла скатерку со стола
И, наконец, угомонилась.

Шинели тронула рукав,
Щекой припала, вся зарделась,
Потом прошла за старый шкаф,
Свет погасила и разделась.

1960

* * *

Есть сладкая радость —
Не зная куда,
Со станций ночных
Провожать поезда.

Есть сладкое счастье —
От края земли
В щемящий простор
Провожать корабли.

Нет близких в вагонном окне —
Не беда.
Мы просто пришли
Провожать поезда.

Не друг, не жена
Там — на судне, вдали.
Мы просто пришли
Провожать корабли.

Мы просто лелеем
Уверенность в том,
Что скоро и мы
Полетим, поплывем...

1960

ЛЕНИНСКИЙ ПОРТРЕТ

Наверно, нет в России дома,
Где б не висел его портрет.
Нам так лицо его знакомо
Еще с далеких ранних лет.

Живем, его чудесным светом
Всю жизнь свою озарены.
И вновь стоим перед портретом
Среди глубокой тишины.

Так только дети — кровь живая
Давно погибшего отца —
Глядят, все больше открывая
В чертах родимого лица.

1960

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Мир отрочества угловатого.
Полгода с лишним до войны,
Два наших парня из девятого
В девчонку были влюблены.

Любовь бывает не у всякого,
Но первая любовь — у всех.
И оба парня одинаково
Рассчитывали на успех.

Но тут запели трубы грозные,
Зовя сынов родной земли.
И встали мальчики серьезные,
И в первый бой они ушли.

Она ждала их, красна девица,
Ждала двоих, не одного.
А каждый верил и надеялся,
А каждый думал, что его.

И каждый ждал: душой согреть его
Уже готовится она.
Но вышла девушка за третьего,
Едва окончилась война.

Косицы светлые острижены,
И от былого — ни следа...
Ах, если бы ребята выжили,
Все б это было не беда.

1960

ВЕСЕННЯЯ ПРИРОДА

О, первые весенние мазки,
Природы ученическая робость!
Разрозненные пробные листки, —
От пышных рощ их отделяет пропасть.

Удаче каждой радуется глаз.
Зацвел орешник — нет его дороже.
Казалось бы, уже в который раз,
И всякий год почти одно и то же.

Наверное, есть навык, мастерство, —
В который раз кроит она и лепит.
Но мысль: «А вдруг не выйдет
ничего?» —
В который раз ее ввергает в трепет.

1960

СНЕГ

На землю белую идущий
Почти недвижною стеной,
Струится снег, все гуще, гуще,
И заслоняет свет дневной.

Совсем не чувствую движенья,
Так он медлительно течет.
Как видно, сила притяженья
Его к земле едва влечет.

За этой белой пеленою
Поселки скрыты и леса.
За этой белой тишиною
Гудки, звонки и голоса.

За этим занавесом белым
Вся в блеске солнечном зима.
За этим мысленным пределом
Лежит Вселенная сама.

Так пусть в ней будет все как надо:
Прилеты птиц, разливы рек,
Громов июльских канонада,
Шумящий дождь, бесшумный снег.

1960

СЛОМАННАЯ СОСНА

Сосну сломало ветром. Ей вовеки
Не выситься на этом рубеже.
Осина вновь пустила бы побеги,
А здесь — здесь все потеряно уже.

Промчалась буря. Тихо-тихо стало.
Открылся голубеющий зенит.
Но, словно звон далекого металла,
Чуть слышный стон все в воздухе
висит.

1960

ВСТРЕЧА

Пока дрались солдаты
На дальних рубежах,
Ровесницы-девчата
Росли, как на дрожжах.

Воспоминаний груды
Мы за собой влекли...
Взрослы и полногруды,
Встречать они пришли.

Был прежде стан их тонок,
Был беспричинен смех.
Мы помнили девчонок
Совсем-совсем не тех.

А эти опьяненно
Глядят — не сводят глаз
И посреди перрона
При всех целуют нас.

И слезы проливают,
Не утирая их,
И нас припоминают —
Совсем-совсем других.

1960

СОЛДАТЫ

В земле солдат намного больше,
Чем на земле.

Перед Москвой, над Волгой,
в Польше,
В кромешной мгле,
Лежат дивизии лихие
И корпуса.

А сверху дали голубые
И небеса.

Лежат бригады, батальоны
И тыщи рот.

А сверху по траве зеленой
Проходит взвод.

Какая ждет его дорога?
Встает рассвет.
В земле солдат и так уж много
За много лет.

1960

* * *

О, эти вечера в Политехническом!
Сижу, внимая каждому стиху.
Трибуна в четком свете электрическом,
Я ж на галерке где-то, наверху.

Потом опять толкучка гардеробная.
Протискиваюсь, взяв свою шинель.
Москва большая, тихая, сугробная, —
Едва-едва окончилась метель.

Иду один, шепчу стихи нечаянно,
Счастливый, средь полночной тишины.
Еще и ни строки не напечатано,
И нет еще ни дома, ни жены.

И все, что я в полях холодных
выносил,
И все, что людям высказать хочу,
И жизнь моя реальная, и вымысел,
И дальняя дорога — по плечу!

1960

НОВЫЕ ДОРОГИ

Нам незнакомая дорога,
Где внове каждый бугорок,
Длиннее кажется намного
Уже исхоженных дорог.

Там — что! Отметив перемены,
Что на пути произошли,
Идем, спокойны и степенны,
А мысли где-нибудь вдали.

А тут все держит в напряженье,
Мы и не ведаем, что тут
Не машинальное движенье,
А для души особый труд.

Дорог нелегкая отрада,
Что нам подарена опять...
Здесь столько нам заметить надо,
Сравнить, запомнить и понять.

Здесь устают не только ноги,
И за один короткий час
Как эти новые дороги
Порой выматывают нас!

1961

* * *

Счастлив слышать женский смех,
Гроз полночных канонаду,
Счастлив видеть первый снег,
Стройных сосен колоннаду.

Я ценю свой прочный дом,
Ясность мудрую в народе
И естественность во всем:
В жизни, в женщине, в природе.

Безыскусственность! Сестра
Высочайшего искусства!
Что мне громких слов игра,
Если сердцу с ними пусто!

Есть в стихах твоих, поэт,
Колизей и циркорама,
Старый Свет и Новый Свет,
Дарданеллы и Панама.

Но когда в тиши ночной
Я читаю этот опус,
Предо мной не шар земной,
Предо мною только глобус.

Еле слышный мысли всплеск —
Плод случайных наблюдений,
Афоризмов ложных блеск,
Приблизительность суждений.

1961

ЗАКАТ

Какой закат горит — в полнеба! —
Как нам оказанная честь.
Его хватить могло вполне бы
На пять закатов и на шесть.

Меня влечет смешенье красок,—
Край неба яростно-багров,
Как будто там идет подпасок
Со стадом огненных коров.

А в высоте, над головою,
Мне зелень чистая видна:
Там переходит голубое
В лимонно-желтые тона.

Горит, расплавленный как в тигле,
Закат. Густы его костры...
...Мы в жизни многое постигли,
Мы вторглись в дальние миры.

Но что бы нас ни занимало,
Какие б ни были мечты,
А нам все мало, мало, мало
Земной нехитрой красоты.

Нас не покинет чувство это,
Что б с нами в жизни ни стряслось,
Пока живет моя планета,
Пока скрипит земная ось.

1961

* * *

Ниспровергают незаслуженно
Порой талант. И он молчит.
Зато посредственность натуженно
Сама взбирается на щит.

Пускай потешится. Пожалуйста.
Ведь совесть Времени чиста.
Оно бесстрастно и безжалостно
Все ставит на свои места.

Забыто все пустопорожнее,
Всему достойному — хвала,
И возвеличиванье ложное
Страшней, чем ложная хула!

1961

БОКСЕР

Я новичок, партнер удобный тот,
Которого на легкой тренировке
Боксер известный равнодушно бьет,
Швыряя на канаты, для сноровки.

Ты бьешь меня безжалостно, судьба,
Спокойная и сильная такая,
Пот не давая мне смахнуть со лба
И из угла меня не выпуская.

Но с каждым днем я крепну и расту,
Я только с виду немощен и кроток,
И я лелею сладкую мечту —
Сбить с ног тебя ударом в подбородок.

И я кружу, усмешку затая,
Тебе в ответ готовлю свой подарок.
А голова мотается моя
От этих сокрушительных ударов.

1961

* * *

Было что-то и общее в нашей судьбе,—
Мы дружили, к фальшивому люты...
Он часами умел говорить о себе,
Слушать он не умел ни минуты.

Как я знал всю историю жизни его! —
И любовь и военные были.
Он, по сути, не знал обо мне ничего,
Хоть давно мы приятели были.

Он часами с конька своего не слезал,
И, устав от такого порядка,
Все, что знал я о *нем,* я *ему* и сказал,
Изложив по возможности кратко.

Он обиделся. Что же! А я, уходя,
Взгляд его ощущая спиною,
С удовольствием взял свою кепку
с гвоздя,
Громко крикнув: — Закройте за мною!

1961

* * *

Надоела симметричность
Этих статуй и картин,
Монотонная привычность
Разговоров и квартир.

Не в обиде и не в раже,—
Это надо понимать! —
Я строку сломал бы даже,
Только совестно ломать.

Ты качаешь головою,
Говоришь с улыбкой ты:
«Симметрично все живое —
Люди, звери и цветы».

Это так. Но, между прочим,
Вот береза. И на ней
Ветви к северу — короче,
К югу — ярче и пышней.

Не последняя забава —
Бьется, полное огня,
Сердце слева. Ну, а справа
Нет же сердца у меня?!

1961

* * *

Трус притворился храбым на войне,
Поскольку трусам спуску не давали.
Он, бледный, в бой катился на броне,
Он вяло балагурил на привале.

Его всего крутило и трясло,
Когда мы попадали под бомбежку.
Но страх скрывал он тщательно и зло
И своего добился понемножку.

И так вошел он в роль, что наконец
Стал храбрецом, почти уже природным.
Неплохо бы, чтоб, скажем, и подлец
Навечно притворился благородным.

Скрывая подлость, день бы ото дня
Такое же выказывал упорство.
Во всем другом естественность ценя,
Приветствую подобное притворство!

1961

ПЛАСТЫ

Я вижу это не впервые,—
Над сонной речкой залегли,
Открывшись, многовековые
Напластования земли.

Я занят ими — бурым, белым.
Какой давил их грозный пресс?
Каким ножом бесстрашным сделан
Вот этот правильный разрез?

Здесь ясно, словно на макете,
Видна история Земли.
Ее, наверно, даже дети
В два счета б выучить могли.

Здесь все периоды и эры —
Горизонтальные пласты.
Здесь для геологов примеры
Ошеломляюще просты.

«Была планета молодою...»
Да кто ей нынче много даст?!

Внизу, над тихою водою,
Где самый древний виден пласт,
Скоба для лодки в камень вбита
И пахнет явственно жильем.
На двух камнях стоит корыто,
Девчонка возится с бельем.

1961

* * *

Качнулась и раскололась
Снов тоненькая гряда.
Меня разбудил твой голос,
Был свежий он, как вода.

И, счастлив невольным счастьем,
Что ты навсегда со мной,
Я слушал его с участьем
Из комнатки за стеной.

В нем все меня занимало —
Был утренний, чистый он...
А я не любил, бывало,
Чтоб мой прерывали сон.

Еще я смотрю беспечно,
Шагаю густой травой...
Хочу одного: чтоб вечно
Будил меня голос твой.

1961

* * *

Без разрыва и гула,
Не минувшей войной,—
Человека шатнуло,
Как взрывною волной.

Находился при деле,
А раскрыл письмецо,
И глаза потускнели,
Исказилось лицо.

А ведь был он упрямый,
Был уверен в судьбе,
А ведь с юности самой
Жил, внушая себе:

Убивают кого-то,—
Нас не могут убить.
Забывают кого-то,—
Нас нельзя разлюбить.

1961

ДОМ

Не четыре стены,
А над ними крыша,—
Дому нету цены,
Шире он и выше.

Не диван, не кровать,
Не обоев краски.
Нужно дом начинать
С верности и ласки.

Если в нем скопидом,
Это просто зданье,
Это вовсе не дом,
А одно названье.

Это тоже не дом,
Если там, к примеру,
Нас едят поедом,
В нас теряют веру.

Что ты сделаешь тут?
Скверная примета!
Если дома не ждут,
Право, дом ли это?

Но своим чередом
К нам приходит чудо.
И у вас будет дом,
Если нет покуда.

Голубая звезда
В мировом пространстве.
Возвращаюсь туда
Из далеких странствий.

1961

ОКНА

Сопровождают окна вас повсюду.
Они, как звезды, незаметны днем,
Но вечером они, подобно чуду,
Внезапным озаряются огнем.

Скользит их свет, пронзая теплый
воздух.
Звезда. Звезда. Еще одна звезда.
И на вопрос: «А есть ли жизнь
на звездах?»
Я говорю с уверенностью: — Да!

На них свои туманности и пятна,
Их астроном, попробуй — изучи!
Вон та звезда знакома и понятна,
У этой необычные лучи.

Они глядят сквозь спутанные ветки,
Их отражает в лужицах вода.
А выдернули вилку из розетки,
И выключена целая звезда.

И грустно мне, что зыбким полукругом
Лежат во тьме пустынные дворы,
Что поздний час, что гаснут друг
за другом
Торжественные звездные миры.

1961

ЛУННАЯ НОЧЬ

Луга луной озарены,—
Здесь нет иного освещенья.
Разноречивы ощущенья
Под странным отсветом луны.

Иду один — в луга, в луга.
Луною залита дорога,
Лежит прямая тень от стога,
И травы, травы как снега.

Иду один. И мнится мне
Под этой белою луною,
Что хоть она и надо мною,
Но будто сам я на луне.

Как бы не весь, а только часть...
Не те законы притяженья.
Соизмеряю все движенья,
Чтоб не взлететь и не упасть.

С тобой бывает так? Сидишь
В своем привычном мирном доме,
Но сам ты в битве, в пекле, в громе,
А между тем повсюду тишь.

И сам ты, взрослое дитя,
Болтаешь запросто с женою —
И слышишь пенье за стеною,
В атаку страшную летя.

Вот так и я сейчас — брожу
В земном, в полночном мире этом
И вдруг знакомый по газетам
Тот, лунный вымпел нахожу.

И средь бездонной тишины
Вдруг вижу, что в лугах очнулся,
Что только что с луны вернулся...
Луга луной озарены.

1961

* * *

Смотрим мы зелеными глазами
В зелень вод.
Смотрим голубыми-голубыми
В небосвод.

Серыми — на серую, литую
Смотрим сталь.
Теми, что даны нам от природы,
Смотрим в даль.

И пока не станет перед взором
Вдруг темно,
В даль смотреть счастливыми глазами
Нам дано.

1961

КОГДА-НИБУДЬ

Когда-нибудь взгрустнешь
Ты обо мне немножко.
Когда-нибудь всплакнешь
У мутного окошка.

В холодной ряби луж
Девчонки моют боты.
И твой — как странно! — муж
Идет уже с работы.

Дождливым серым днем
Войдет и плащ свой сбросит.
— Ну что? Опять о нем? —
Тебя с обидой спросит.

1962

* * *

Я если в горы шел — до дрожи
В ногах. На самый перевал!
Я если пил с друзьями — тоже
Вино водой не разбавлял.

Не белоручкой рос я,— что ты! —
Я лес валил и не пищал,
Когда от умственной работы
Усталость в теле ощущал.

1962

ПРЫЖОК

Полосы литой бетон.
От винтов свистящих — вьюга.
Парашют уложен туго,
Аккуратный, как бутон.

Что вы знали на веку,
Вы, что там, внизу, живете,
Если даже в самолете
Вы бывали наверху?

Окунаясь в воздух злой,
Корабля покинув лоно,
Не скользили вы наклонно
Между небом и землей.

Ветра твердая струя
Не швыряла вас для пробы
В неба рыхлые сугробы,—
В них проваливался я!

Что вы знали там, внизу?
Что с дождем идет прохлада
И что прятаться не надо
Под деревьями в грозу.

Не крутил вас этот шквал.
Вряд ли были вам желанны
Неба синие поляны,
По которым я гулял.

Кто б сказать вам это мог,
Если б купол надо мною,
Ярко брызнув белизною,
Не раскрылся, как цветок?

1962

* * *

Был самолет упасть готов
Над краем пропасти.
Его крутящихся винтов
Дрожали лопасти.

Но сели, вырвались из тьмы,
Ушли от гибели.
И вот бутылку взяли мы
И пробку выбили.

Бутылку взяли не спеша
И пробку выбили
И, чтоб жива была душа,
На счастье выпили.

А в уголке варился суп
На желтом примусе,
И в воздухе различных круп
Витали примеси.

О, как приятно было нам,
В тулупы кутаясь,
Сидеть, смотреть по сторонам.
В деталях путаясь.

В глаза врачихины глядеть,
Большие, карие,
И все шуметь, и все галдеть
О той аварии.

Уже мы видели с трудом
Себя недавними...

Но вспомнится не этот дом
С резными ставнями,
Где засыпаем на полу
Мы от усталости,—

А под крылом густую мглу
Мы вспомним в старости.

Все, что не нужно, отойдет,
Другим заполнится,
И лишь ревущий самолет
Навек запомнится.

Хозяин, где я ночевал,
Да не обидится.
Пилота руки и штурвал
Лишь будут видеться.

1962

* * *

Когда-то мудрецы закон провозгласили:
Чтобы осталась жить хоть часть твоей души,
Покуда не уснул в бессмысленной могиле,
О жизни на земле ты книгу напиши.

Или когда друзья тебе прикроют веки,
Когда ты завершишь дорогу бытия,
Пусть в созданном тобой отважном человеке
Струится кровь твоя, стучится мысль твоя.

Или когда навек поникнешь головою,
Когда окончишь ты последний грозный бой.

Пусть дерево шумит зеленою листвою,
Что было на земле посажено тобой.

...Под этой синевой, под этим небом
звездным,
Заветам мудрецов я трижды верен был:
Я книгу написал, я человека создал,
Я тонкую рябинку посадил.

1962

МАЯТНИК

Сколько было скомканных,
Брошенных начал,
Между тем как в комнатах
Маятник стучал.

Сколько было маленьких,
Бесполезных дел,
Между тем как маятник
Над землей гудел.

Летний день кончается,
Длинный, словно год.
Маятник качается,
Ходит взад-вперед.

Как качели легкие,
Плавно — раз, два, три...
Ты побольше в легкие
Воздуху вбери.

Меркнут под качелями
Домики, трава.
А вверху, над елями,
Плещет синева.

Там светло и ветрено.
Но опять — назад!
Лишь веревки медленно
Трутся и скрипят.

Вверх — и рядом облако,
Вниз — по сердцу дрожь.
Ты же вместо отдыха
Ходу поддаешь.

И средь сада росного
У людей в ушах —
Легкого и грозного
Маятника шаг.

1963

* * *

Весенний лес почти прозрачен,
Он легкий весь и голубой,
И дым листвы его невзрачен —
Пушок над верхнею губой.

Неопытен, неосторожен,
Ветрам открыт со всех сторон,
Еще ни капли не встревожен,
Шутя насвистывает он.

Потом к нему приходит лето,
Он силой медленной набряк,
В счастливых поворотах света,
В листве тяжелой, как в кудрях.

Как эти дни летят стрелою! —
Ни огорчений, ни обид,—
Как тянет медом и смолою,
Как от берез в глазах рябит!

Потом октябрь свистит ветрами
Вдоль просек длинных и дорог,
Над поредевшими кудрями
Друзей, стареющих в свой срок.

Осенний лес почти невзрачен,
Блистать собой не норовит,
Ждет снега — резок и прозрачен,
Спокоен, сух и деловит.

1963

* * *

Ты сладко спишь. Сквозь темные
ресницы,
Почти не означая ничего,
Трепещущие слабые зарницы
Сознания коснулись твоего.

Ревет гроза, и молнии толпятся,
Толкаются локтями в тесноте,
А звуки грома рвутся и дробятся
И катятся шарами в темноте.

О, эти вспышки зыбкие ночные
Над чернотой притихнувшей земли
И эта грома стереофония —
То сбоку он, то сзади, то вдали!

Но месяц вновь поблескивает дужкой.
Высь постепенно стала голубой.
И молнии уходят друг за дружкой,
Ворчащий гром уводят за собой.

Ты в сад с терраски отворяешь двери.
Ты поднимаешь чистые глаза
И говоришь с улыбкою, не веря:
— А что, была действительно гроза?..

Но целый день потрескивают травы —
Так наэлектризованы они.
И долго тянет влагой от дубравы,
И дальних гроз мерещатся огни.

1963

СЕВЕРНАЯ НОЧЬ

Как странно летней северною ночью
На палубе у поручней стоять
И наблюдать в безмолвии воочью
Всей этой белой ночи благодать.

Всех этих сил особое стеченье,
Когда чудесно, что ни говори,
Мир излучает легкое свеченье,
Как будто бы мерцает изнутри.

Стоит начало северного лета,
Сияют воды несколько мертво.
И так неярок сам источник света,
Что вы не замечаете его.

Вы смотрите без устали, и вроде
Вам радость непонятная дана,
Хотя в холодной северной природе
Преобладают серые тона.

1963

КОНЕЦ ЛЮБВИ

...И чем друг другу не потрафили? —
Прощаясь, глазом не моргнули.
Они друг другу фотографии,
Теперь ненужные, вернули.

Она ему подарки прежние —
Колечко с брошкой — возвратила.
А он — ее записки нежные,—
Давно утрачена их сила.

Вот так в минуты расставания
Они в пустынных гулких стенах
Те давние завоевания
Меняли, как военнопленных.

1963

* * *

Она ушла, и в гулкой глубине
Большого дома лифт замолк устало.
А он сидел с собой наедине,
Вдруг ощутив, как тихо в мире стало.

И так смотрел он в глубь своей души,
Как раненый, что вышел на поляну
И с ужасом, в неведомой глуши,
Чуть сдвинув бинт, рассматривает рану.

1963

* * *

Зазвучали шорохи рассвета,
Небо слабо начало светлеть...
Разлюбила женщина — и это
Хуже, чем в дороге заболеть.

А ведь каково болеть дорогой!
Ты в жару не помнишь ничего,
И тебя на станции далекой
С поезда снимают одного.

Ты еще надеешься невнятно,
Что, пока стоянка пять минут,
Осмотрев, тебя они обратно
В твой вагон качнувшийся впихнут.

И поверить вот уже не в силах,
Чуя в сердце жуткий холодок,
Слышишь ты с брезентовых носилок
Поезда пошедшего гудок.

Ты потом поправишься. И вскоре
С самого утра и дотемна
Будешь ты болтаться в коридоре
Около больничного окна.

Но гудок, как будто отрешенный,
Слезы выжимающий из глаз,
Стеклами двойными приглушенный,
Ты еще услышишь много раз.

1963

НОЧНОЕ

За рекою мальчики в ночном.
Так они нам дороги порою,
Будто жизнь мы заново начнем,
Если увлечемся их игрою.

Там, в лугах темнеющих,— уют.
Костерок мигает, затухая.
Монотонно лошади жуют,
О своем, несбыточном вздыхая.

Тянутся туманы от воды.
Но, гореньем собственным согреты,
Всё глядят на дробный свет звезды
Будущие тонкие поэты.

Будущие чутко спят в стогу
Генералы или лейтенанты.
И пасутся тихо на лугу
Буцефалы их и Росинанты.

1963

ДНЕВНОЙ СОН

Бывает, днем, не по часам,
Заснешь случайно в кои веки,
И сколько спал — не знаешь сам,
Когда потом поднимешь веки.

Мешается со светом дня
Искусственное освещенье,
И это путает меня,
Как будто времени смещенье.

Жизнь преломилась в сне дневном.
Душа смутилась, загорелась:
Послушай, что там за окном,—
Там юность наша или зрелость?..

Покуда в тающем дыму
Одно мгновенье пролетает,
Открыл глаза — и не пойму,
Смеркается или светает.

1963

* * *

...И кто-то слезу утирает,
И губы искусаны в кровь...
Но в день, как поэт умирает,
Он словно рождается вновь.

От зыбких случайностей быта
Теперь навсегда он вдали.
То раннее, что позабыто,
Внимательней мы перечли.

Не просто удачные строки,
Что можно всегда написать.
Но здесь уже вехи и сроки,
И Времени видно печать.

...Отправлюсь в дорогу и эту.
Скорей горевать перестань,
Садись поудобнее к свету
И книги мои полистай.

Нас нет — мы являемся снова,
Как будто открыты вчера,
И старое-старое слово —
Как будто едва лишь с пера.

1963

* * *

Мы с ней расстались на исходе дня.
Нет, не запричитала, не завыла,
А через день она уже меня
Легко и так естественно забыла.

Ее судьба забросила от нас
В какую-то бригаду хоровую.
Я от нее услышал в первый раз:
«Война все спишет» — фразу ходовую.

Она потом, кочуя по войне,
Таких, как я, не раз еще встречала,
И как мы распростились — обо мне
Не горевала даже и сначала.

Лишь иногда меня — каким я был —
Представит вдруг, но смутно
и без пыла,
Считая, что и я ее забыл
Вот так же, как она меня забыла.

1964

* * *

Я спал на свежем клевере, в телеге,
И ночью вдруг почувствовал во сне,
Как будто я стремлюсь куда-то в беге,
Но тяжесть наполняет ноги мне.

Я, пробудившись резко и тревожно,
Увидел рядом крупного коня,
Который подошел и осторожно
Выдергивал траву из-под меня.

Над ним стояло звездное пыланье,
Цветущие небесные сады —
Так близко, что, наверно, при желанье
Я мог бы дотянуться до звезды.

Там шевелились яркие спирали,
Там совершали спутники витки.
А с добрых, мягких губ его свисали
Растрепанные мелкие цветки.

1964

* * *

Опять, опять сидишь со мною рядом,
Опять рука в руке.
Но смотришь ты отсутствующим
взглядом,
Вся где-то вдалеке.

«Где ты сейчас?» — А ты не отвечаешь
На это ничего.
«Кто там с тобой?» — А ты не замечаешь
Вопроса моего.

Вложу я в крик всю боль и всю заботу.
Но мой напрасен зов.
Так, заблудившись, тщетно самолету
Кричат со дна лесов.

1964

ЧТОБ МОЛОДЫЕ ПОМНИЛИ ВСЕГДА

Чтоб молодые помнили всегда,
На камне б эту истину я высек:
Поэт (как математик или физик)
Себя находит в ранние года.

Потом он может на своем пути
И умирать и возрождаться снова,
Но первое сияющее слово
Он должен молодым произнести.

Всегда так было. Будет только так.
Талант в своей немыслимой отваге
Идет вперед по белизне бумаги
В одну из многочисленных атак.

Строку выводит дерзкая рука,
Казалось, неумелого поэта,
А позже выясняется, что это
И есть его заветная строка.

Но если четверть века позади,
А ты еще не звонок и не ярок,
Еще не приготовил свой подарок,—
То от тебя подарка и не жди.

1964

* * *

В поэзии — пора эстрады,
Ее ликующий парад.
Вы, может, этому и рады,
Я вовсе этому не рад.

Мне этот жанр неинтересен,
Он словно мальчик для услуг.
Как тексты пишутся для песен,
Так тексты есть для чтенья вслух.

Поэт для вящего эффекта
Молчит с минуту (зал притих),
И вроде беглого конспекта
Звучит эстрадный рыхлый стих.

Здесь незначительная доза
Самой поэзии нужна.
Но важен голос, жест и поза
Определенная важна.

1964

* * *

Хотел бы я проникнуть в этот мозг! —
Не скальпелем, конечно, не рентгеном,
А словно перекинуть легкий мост,
Войти, вбежать в порыве откровенном.

Хотел бы, если б выпала судьба,
Узнать — пускай не сразу,
а помешкав, —
Что там таится, под прикрытьем лба,
Когда блуждает на губах усмешка.

Хотел бы я увидеть только раз,
Уж если мне досталось это диво,
Что кроется за тихим светом глаз,
Глядящих так спокойно и правдиво.

1964

СКРЫТНОСТЬ

Он жил вблизи, но жил не на виду.
Он все скрывал. Зачем? На всякий
случай.
Скрывал привычно радость и беду,
И лишь не скрыл он смерти неминучей.

Враги о том, что он врагом их был,
Догадывались, думаю, едва ли.
И женщины, которых он любил,
Об этом даже не подозревали.

1964

* * *

Как изнашивается платье,
Так с годами, от суеты,
Притупляется восприятье
Окружающей красоты.

На ветру, на холме высоком,
Ощущаю при блеске дня:
То, что раньше пронзало током,
Умиляет сейчас меня.

Западает сомненье в душу,
Что неправильно мы живем:
Там, где нужно смотреть и слушать,
Больше думаем о своем.

Я растерян, и я не знаю —
Неужели возможен час,
Где сама красота земная
Вообще не заденет нас.

Мне б дорогой пройти такою,
Чтоб в конце, погружаясь в сон,
Был, как в юности, потрясен
Далью, женщиною, строкою...

1964

В ПАЛАТЕ

Словно ветер шумит в окне,
В мерзлых ветках стуча уныло.
Словно память о той войне,
Сердце вздрогнуло и заныло.

Словно в поле полки стоят,
В ледяной утопая жиже.
Словно где-то вдали снаряд
Засвистел — и все ближе, ближе.

Глубь воронки. Рассвет. Мороз.
Стихнул ветер, что пел тоскливо...
...Ночью сердце разорвалось,
И никто не слыхал разрыва.

1964

ВОСПОМИНАНИЯ

По-разному живут воспоминанья:
Одни выходят строем из леска,
И заполняют медленно сознанье
Их оккупационные войска.

Другие, — безыскусственность какая! —
Как журавли усталые весной,
Курлыканьем щемящим окликая,
Проходят ранней ранью надо мной.

А третьи — сквозь жару и сквозь заносы
Давно прошли, у них характер крут.
Они во мне сидят прочней занозы,
Они — я сам, они со мной умрут.

1964

* * *

От затемненного вокзала,
Рыданьем сердце леденя,
Меня ты в бой не провожала,—
Ты и не знала про меня.

Там юность с юностью рассталась,
На плечи взяв тяжелый груз,—
Их связь недолгая распалась,
Как всякий временный союз.

В ту пору не было в помине
У нас ни жен и ни детей.
Мы, молодые, по равнине
Пошли сквозь тысячу смертей.

А жизнь текла... Средь зимней
дали,
Где скрип колодцев и дверей,
В мужья не нас девчонки ждали —
Тех, кто воротится скорей.

Еще в ночи владели нами
Воспоминания одни,
Но за встающими холмами
Иные виделись огни.

...Щекочет губы чье-то имя,
Лицо колышется сквозь дым...
Так расставались мы с одними,
А возвращались мы к другим.

1964

ОПЯТЬ ВЕСНА

Кусты черны, как взрывы мин.
Но то вчера. А нынче — гляньте:
Предстал пред нами этот мир
В своем зеленом варианте.

По капиллярам внесена
В него спасительная сила.
Его наполнила весна
Певучим током хлорофилла.

И вправду счастлива душа
Весны уместному приходу.
Дрожащим воздухом дыша,
Выходим из дому — в природу.

...Но так же радуемся мы
(Хотя весной подумать дико)
И наступлению зимы,
На долы падающей тихо.

Еще совсем не рассвело,
И вот за первым ранним чаем:
«А ведь за окнами бело!» —
Мы с изумленьем замечаем.

Знать, не зима и не весна
Повинны в сладком чувстве этом,
А просто жизни новизна,
Сияющая близким светом.

И хоть известно наперед —
Когда и как наступит смена,
Но смен самих круговорот
Волнует душу неизменно.

1964

РОДИНА

Как же ты необъятна!
С первых моих слогов
Белые твои пятна
Блещут белей снегов.

Катится, нарастая,
Долгий, как сон, гудок.
Жизнь без конца и края,
Ну, и еще годок.

Ветром раздуло шторы...
Если б хватило сил,
Все бы твои просторы
Трижды исколесил.

А подойду с годами
К скрытому рубежу,
Стынущими губами
Так я тебе скажу:

«Ноги мои устали
Идти сквозь твои поля.
Руки мои устали
Тебя обнимать, земля.

Устало воображенье
Во льдах и в горах бродить.
И лишь не устало сердце
Тебя до конца любить».

1964

* * *

Я без тебя — как город без реки!
С утра пылает солнце надо мною,
И дни мои бывают нелегки,
Открытые безжалостному зною.

В моих мечтах присутствует река,
И, проходя над здешними местами,
Огромные, как баржи, облака
Беззвучно проплывают под мостами.

Я без тебя — как город без реки:
Есть крыши, что взлетают
к небосводу,
Сады, огни... Но женской нет руки,
Опущенной из красной лодки в воду.

1965

* * *

Палящие ветры несносны,
И, ввысь улетая стрелой,
Стоят раскаленные сосны,
Расплавленной пахнут смолой.

И с ними же вровень взлетая,
Как будто в термометрах ртуть,
Их соков природа литая
Свершает невидимый путь.

Июльского неба пустыня
Вся выжжена до белизны.
Вибрируя чуть и пружиня,
Звенит позвоночник сосны.

Прекрасного дерева корпус,
Сужаясь, летит в вышину,—
Как будто проводится конкурс
На лучшую в мире сосну.

...Я сделался нынче серьезен,
Отбросил совсем суету.
Живя у подножия сосен,
Нельзя не смотреть в высоту.

И зря сокрушаться не надо,
Что рядом иные места,
Что в лиственных рощах прохлада,
А в спелых борах духота.

1965

ЛЕТНИМ ДНЕМ В КОМНАТЕ

Дышали блики теплые, дневные,
Легко пронзая тюлевую сеть.
На тумбочке твои очки цветные,
Как бабочка, готовая взлететь.

Зеленые их стекла трепетали,
В них возникали клеточки окна
И облачко в той уменьшенной дали,
Что над землею, собственно, одна.

Весь в переплетном золоте и в лаке,
Таинственно светился книжный
шкаф.
Дом жил в глухом зеленом
полумраке,
Как в глубину ушедший батискаф.

Мне было так тревожно и приятно
Сидеть и ждать тебя и, как во сне,
Смотреть на перепутанные пятна
Листвы и солнца — рядом на стене.

И словно бы какая-то другая,
Забыв свои привычные дела,
Зеленый свет рукою раздвигая,
Ты с волосами мокрыми вошла.

Ты двигалась уверенно и смело,
Прошла, на миг окошко заслоня,
И, волосы расчесывая, села,
Сквозь их завесу глядя на меня.

1965

Н. РЫЛЕНКОВУ

Не беда, что иногда
Даже снег бывает черным,—
В поле тихом и просторном
Он сияет, как звезда.

Время вновь летит стрелой.
«Как ты жил?» — себя мы
спросим
Все случайное отбросим,
Все никчемное — долой!

Среди лета и зимы,
Возле нас и в отдаленье,
В самом главном проявленье
Мир рассматриваем мы.

Ценим более всего
Во вселенной — бесконечность,
В человеке — человечность,
В утре — света торжество.

1965

* * *

Что сердце так радо,
Как будто мне дали медаль?
Средь голого сада
Зацвел на рассвете миндаль.

Последних морозов
Еще не утихли пиры.
Он легок и розов
На инистом склоне горы.

И нежность и смелость
Нужны в этом трудном пути.
Кому не хотелось
Заметно вот так зацвести!

Но это — искусство,
Постичь его каждый не мог...
...Как тихо и пусто.
Над садом струится дымок.

Пора передышки.
Еще некрасива земля.
Лишь резкие вспышки
Зацветшего вдруг миндаля.

1965

ПРИМИРЕНИЕ

Солнце плавит лед на речках
синих...
Помирились мы.
Кое-где еще снежок в низинах
После той зимы.

Затопляя вешние угодья,
Странно широка,
Мутная еще от половодья,
Катится река.

И вдали, по самой серединке,
Мой ныряет взгляд.
А в крови оставшиеся льдинки
Тоненько звенят.

1965

ПРОСНЕМСЯ ПЕРВОГО ЯНВАРЯ

Проснемся первого января
На той планете,
Где елка бросила якоря,
А на паркете
Как бы мерцание янтаря
При зимнем свете.

Все ново в этот начальный миг —
И запах елки,
И корешки наших старых книг
На книжной полке,
И в утренних волосах твоих
Две-три иголки.

Все ново, ты и сама нова —
Прохлада кожи.
Твои проснувшиеся слова
Так непохожи
На те, что были назад дня два,
Что будут позже.

А снег и свет, что глядят в окно
На наши стены —
Все это было уже давно,
Все неизменно,
Но неожиданности полно
Одновременно.

Пусть новым будет весь Новый год,
Как в день рожденья,
Пусть рядом с нами всегда идет
Без принужденья,
Нас обновляя, как в поздний тот
Миг пробужденья.

1965

ПЕСНЯ

Средь прочих дел с их сложностями всеми
Прислушаюсь — и странно мне слегка,
Когда звучит моя и в то же время
Продолженная музыкой строка.

И чуточку тревожно от сознанья,
Что на каком-то новом рубеже
Совсем чужой фантазии созданье
И от меня зависимо уже.

Так чья-то жизнь в твою внезапно входит,
И ты иначе видишь жизнь свою.
...А песня — там, во мраке, на свободе
Звучит,— и я растерянный стою.

1965

ПАРАШЮТ

Я, команду короткую слыша,
Сразу в бездне тонул голубой.
Белый купол, надежный, как крыша,
Возникал над моей головой.

Я, стремясь приземлиться точнее,
Шел под куполом в гуще ветров.
И домов очень многих прочнее
Был мне тот кратковременный кров.

1965

СПИТ ЖЕНЩИНА

Спит женщина, и ты ей снишься
ночью,—
Когда кругом безмолвие и мгла,—
Тем юношей, которого воочью
Она, конечно, видеть не могла.

Там, вдалеке, в холодном блеске
полдня,
Десантный взвод взмывает к небесам.
Спит женщина, твои невзгоды
помня
Больнее, чем ты помнишь это сам.

Она проходит длинною тропою,
Как будто по твоей идет судьбе.
И даже знает о тебе такое,
Чего ты сам не знаешь о себе.

1965

ПАМЯТЬ

А утвержденья эти лживы,
Что вы исчезли в мире тьмы.
Вас с нами нет. Но в нас
вы живы,
Пока на свете живы мы.

Девчонки те, что вас любили
И вас оплакали, любя,
Они с годами вас забыли.
Но мы вас помним, как себя.

Дрожа печальными огнями
В краю, где рощи и холмы,
Совсем умрете только с нами,—
Но ведь тогда умрем и мы.

1965

* * *

Благословен знакомый с детства стих,
И новый стих, дымящийся, как рана,
И тот, что возникает в снах твоих,
Как женщина, неясно и желанно.

Я рот от изумленья открывал,
Меня влекло ревущею рекою,
Строкою убивало наповал
И воскрешало тою же строкою.

Там, на моих дорогах молодых,
Меня ошеломляя то и дело,
Стих беспощадно бил меня под дых,—
Хочу, чтоб вас хотя б слегка задело!

1965

* * *

Пустил летать по белу свету
Иль загубил ты соловья —
Возможно, что страницу эту
Не знают даже сыновья.

Легли такие расстоянья,
И миновало столько лет!..
Но каждое твое деянье
В тебе же оставляет след.

1966

СОДЕРЖАНИЕ

Константин Яковлевич

Ваншенкин

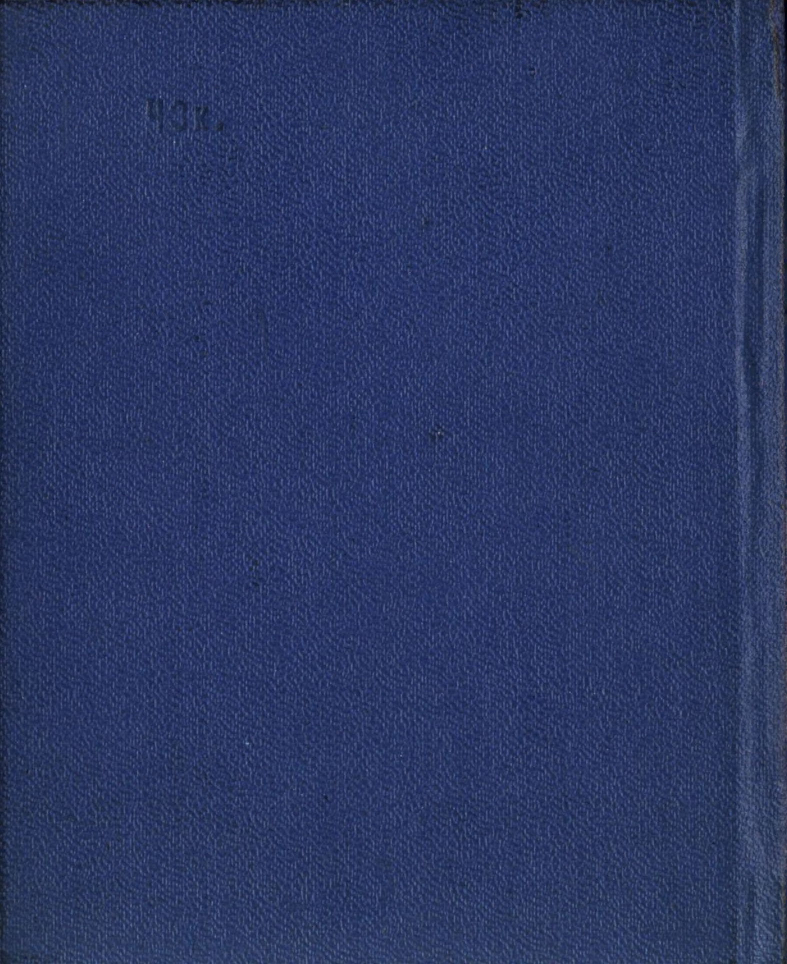
СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *Н. Крюков*
Художественный редактор *Ю. Боярский*
Технический редактор *Л. Заселяева*
Корректор *Г. Сурис*

Сдано в набор 11/XII 1965 г. Подписано в печать А12023 от 17/III 1966 г. Бумага типогр. № 1. 84×108 1/64. 4,63 печ. л.= 7,77 усл. печ. л. 5,06 уч.-изд. л.+1 вкл. = 5,09 л. Тираж 100 000 (1—50 000). Заказ № 580. Цена 43 коп.

Издательство
«Художественная литература»
Ново-Басманная, 19.

Московская типография № 20 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Москва, 1-й Рижский пер., 2.

43к.

К.ВАНШЕНКИН